

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССН.

1895.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	19
А. Н. Веселовскій. Изъ которія эпитета	179
А. С. Хахановъ. Грузинскій поэтъ XII вѣка Ш. Рустанели и его поэма „Варсова кожа“	200
Н. В. Истробовъ. Очеркъ жизни и литературной дѣятельности Петра Хельчицкаго	224
Э. Л. Радловъ. Ученая дѣятельность профессора М. И. Каряи- нскаго (окончаніе)	281
В. И. Курдюновскій. Губныя учрежденія Московскаго государ- ства (окончаніе)	309

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. С. Ланно-Данилевскій. Исторія экономическаго быта Вели- каго Новгородъ. А. И. Пикитскаго	343
О. О. Зигель. „Россія“. В. Р. Морфилла	397
Ө. Д. Ватюшковъ. Французско-русскій этимологическій словарь, содержащій въ постепенномъ порядкѣ всѣ слова фран- цузскаго языка, разобранныя и группированныя по кор- нямъ. Составилъ Н. Токссля С.-Иб. 1893—1894	404
— Книжныя новости	418
— Наша учебная литература (разборъ 13 книгъ и изданій).	45

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

— Отчетъ о тридцати седьмомъ приужденіи наградъ графа Уварова	25
— Наши учебныя заведенія: Среднія и высшія школы Кіев- скаго учебнаго округа въ 1894 году	45
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Е. А. Вѣловъ (некрологъ).	102

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

N. Novossadsky. Ad papyrus magicam bibliothecae parisiensis na- tionalis adnotationes palaeographicae	81
О. О. Соколовъ. Новая книга о Дельфахъ	88
А. О. Эмиантъ. Легенда о римскихъ царяхъ (продолженіе)	100
М. Н. Крашенинниковъ. Pyglin	118

О ВЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го декабря).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Исторія экономического быта Великаго Новгорода. *А. И. Никитскій*. Москва. 1893.

I.

Положеніе вопроса объ исторіи экономического быта Великаго Новгорода въ русской исторіографіи.

Историческое прошлое Новгорода Великаго давно уже привлекало вниманіе цѣлаго ряда изслѣдователей.

Не трудно замѣтить, что сочиненія, посвященныя разработкѣ этой темы, довольно ярко отражали на себѣ вліяніе разныхъ направленій, господствовавшихъ въ русской исторіографіи. Въ то время, напримѣръ, когда довольствовались сборниками матеріаловъ, классифицированныхъ большею частью на основаніи случайныхъ признаковъ, появляются и первыя топографическія и географическія описанія Новгорода и его области. Стремленіе къ болѣе детальному анализу разнородныхъ источниковъ и критической ихъ оцѣнкѣ, такъ сильно сказавшееся въ началѣ XIX вѣка (благодаря дѣятельности графа Румянцева), замѣтно въ трудахъ митрополита Евгенія, посвященныхъ Новгороду и Пскову. Еще позже Новгородомъ начинаютъ интересоваться представители западническаго и славянофильскаго направлений: С. М. Соловьевъ указываетъ на несостоятельность вѣчеваго устройства, а И. Д. Бѣляевъ настаиваетъ на законченыхъ формахъ общинной жизни въ Новгородѣ. Съ наступленіемъ новаго настроенія въ нашей исторіографіи, ознаменованнаго изученіемъ племенныхъ особенностей, повліявшихъ на ходъ русской исторіи, не за-

медлять появиться извѣстный трудъ Н. И. Костомарова о сѣверо-русскихъ народоправствахъ. Вслѣдъ за тѣмъ благодаря труданъ А. И. Никитскаго и О. И. Леонтовича рѣзкія различія между научными взглядами славянофиловъ и западниковъ успѣли нѣсколько сгладиться. Вопросъ объ историческомъ прошломъ Великаго Новгорода нуждался въ пересмотрѣ съ новой точки зрѣнія. А. И. Никитскій не замедлилъ приняться и за это дѣло. Въ теченіе многихъ лѣтъ трудился онъ надъ изученіемъ историческихъ судебъ роднаго своего города и его области. За время этихъ работъ монизмъ славянофильской и западнической школъ уже смѣнился новымъ направленіемъ, приверженцы котораго пытались разъяснить наше прошлое дѣйствіемъ разнообразныхъ взаимно переплетающихся началъ. Подчиняясь этому взгляду, авторъ очерка внутренней исторіи Пскова не замедлилъ обратиться къ изученію многихъ сторонъ быта Великаго Новгорода: его церковнаго, областнаго, военнаго и административнаго устройства.

Въ выборѣ этихъ темъ на А. И. Никитскаго, быть можетъ, въ послѣднее время его ученой дѣятельности уже успѣла повліять и новая точка зрѣнія, привлекавшая все большее и большее число сторонниковъ не только въ русской, но и въ западно-европейской историографіи. Отъ смѣлыхъ и широкихъ обобщеній, ониравшихся на апіорныя основанія, прямо переносимыхъ изъ области философіи въ исторію, русскіе историки перешли къ микроскопическимъ наблюденіямъ надъ явленіями народной жизни, чаще всего переповторяющимися и, при современномъ уровнѣ нашихъ знаній, всего болѣе доступными точному изученію, а такими свойствами, казалось, и отличались явленія экономическія. Съ полнымъ научнымъ безпристрастіемъ примѣняя эту новую точку зрѣнія къ изученію древненовгородскаго быта, А. И. Никитскій уже готовилъ къ печати „Исторію экономическаго быта Великаго Новгорода“, когда преждевременная кончина прервала начатый трудъ; „почти оконченный“, онъ, по словамъ самого автора, нуждался, однако, „въ окончательномъ просмотрѣ, незначительныхъ дополненійхъ и снабженіи его необходимыми ссылками на источники“. Эту работу принялъ на себя г. Харизоменовъ; благодаря попеченіямъ редактора сочиненіе покойнаго историка не залежалось въ его бумагахъ и черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти А. И. Никитскаго вышло въ свѣтъ.

Обстоятельства, при которыхъ изданъ трудъ Никитскаго, при-
нуждаютъ его рецензента остановиться лишь на самыхъ существенныхъ сторонахъ разбираемой книги и не придавать большаго значе-

нія мелкимъ пробѣламъ и промахамъ, которыхъ авторъ, вѣроятно, сумѣлъ бы избѣжать, еслибы самъ руководилъ изданіемъ своей книги.

II.

Основная точка зрѣнія и система изложенія „Исторіи экономическаго быта Великаго Новгорода“.

Тема, избранная Никитскимъ, какъ видно, удовлетворяетъ современнымъ запросамъ науки. Къ сожалѣнію, отсутствіе руководящаго предисловія лишаетъ насъ возможности ознакомиться съ взглядами самого автора на этотъ предметъ; въ его сочиненіи, однако, во всякомъ случаѣ, нельзя не видѣть, на ряду съ широкою разработкою многихъ важнѣйшихъ вопросовъ, существенныхъ пробѣловъ.

Подъ „Исторіей экономическаго быта Великаго Новгорода“, конечно, всего проще было бы разумѣть исторію народнаго хозяйства, въ предѣлахъ означенной области. Авторъ однако, не обратилъ вниманія на многія явленія экономическаго свойства, находящіяся въ самомъ близкомъ соприкосновеніи съ избранною имъ темой.

Количествомъ населенія, напримѣръ, и его отношеніемъ къ площади занимаемой имъ территоріи, въ нѣкоторой степени предрѣшается характеръ всего экономическаго строя, особенно, если свойства ея почвы достаточно хорошо извѣстны. Къ сожалѣнію точныя свѣдѣнія о населенности самого Великаго Новгорода относятся къ позднѣйшему времени ¹⁾; болѣе раннему періоду принадлежатъ описанія Корелы, Орѣшка, Копорья, Зема, Ладоги и Ивангорода въ окладныхъ книгахъ 1495—1500 гг. ²⁾, а также рядковъ и другихъ поселеній Новгородской области въ оброчныхъ книгахъ того же времени, источникъ, которымъ самъ г. Никитскій охотно пользовался для ха-

¹⁾ А. Э., т. I, № 205. Счетъ дворовъ въ Великомъ Новгородѣ и пригородахъ Новгородскихъ 1545 г. (рук. XVI в.) хранится въ рукописномъ отдѣленіи, при библиотекѣ Академіи Наукъ. (И. Бердниковъ, О нѣкоторыхъ важныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Библиотекѣ Императорской Академіи Наукъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1836 г., ч. VII, стр. 118). Ср. статьи И. Купріянова о населенности Новгорода въ *Новгородскихъ Губернскихъ Видомостяхъ*, 1840 г., №№ 1—3, и въ *Вѣстникѣ Географическаго Общества*, 1862 г., т. V, стр. 31—36.

²⁾ *Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей.*, тт. XI, 111—115 и XII, 1—7.

характеристики хозяйственнаго быта Новгорода въ XIII вѣкѣ¹⁾). На основаніи всего этого матеріала возможно было бы прійти къ кое-какимъ заключеніямъ о населенности изучаемаго района если не въ древнѣйшее, то по крайней мѣрѣ въ болѣе позднее время, къ концу XV вѣка.

Писцовыя книги не даютъ намъ указаній на всю площадь, занимаемую перечисленными въ нихъ поселеніями, а только на приписанную къ нимъ обработанную землю; но перенося населенные пункты на карту, не трудно вычислить и занимаемую ими площадь, которая, судя по даннымъ XVI—XVII вѣковъ, должна была примѣрно занимать 282.127 квадратныхъ верстъ²⁾). Педологическія свойства этой территоріи хотя и обращаютъ на себя вниманіе А. И. Никитскаго, но рассматриваются имъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, несмотря на то, что современныя ему изслѣдованія почвъ даютъ уже возможность нѣсколько точнѣе выяснитъ и этотъ вопросъ.

Вычисленіе средней населенности данной площади во всемъ ея объемѣ можетъ оказаться, пожалуй, дѣломъ рискованнымъ; тѣмъ не менѣе отъ такого осторожнаго изслѣдователя, какимъ является Никитскій, слѣдовало бы ожидать рѣшенія этого вопроса примѣнительно къ отдѣльнымъ мѣстностямъ, болѣе или менѣе удачно подобраннымъ, въ зависимости отъ ихъ свойствъ и имѣющихся на лицо указаній. Этой задачи Никитскій также не ставитъ и не рѣшаетъ въ своемъ трудѣ.

Статистика населенія дала бы автору матеріалъ и для другихъ заключеній, не менѣе важныхъ. Хозяйственный типъ страны ярко характеризуется, на примѣръ, большей или меньшей степенью централизаціи населенія, разбросанности его по селамъ или скученности въ городахъ. Новгородъ казался „изумительно большимъ городомъ“ одному изъ иностранцевъ-путешественниковъ, посѣтившихъ его въ началѣ XV вѣка (1413 г.). Это извѣстіе, однако, едва ли заслуживаетъ полнаго довѣрія; его слишкомъ мало оправдываютъ другія данныя³⁾.

¹⁾ Новгородскія писцовыя книги, изданныя Археографическою Комиссіею, т. I—IV (1495, 1498, 1500 и др. годовъ). С.—IIб. 1859—1886.

²⁾ К. *Несоминъ*, Памяны и Погосты Новгородскіе, въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества, т. VIII, стр. 55 и 57.

³⁾ *G. de Lanoy*, Oeuvres, pub. par Ch. Potvin, Louvain. 1878, p. 32^a: Est la ville de la grant Noegarde merveilleusement grant ville...“; черезъ нѣсколько строкъ однако, авторъ и рѣку Волховъ называетъ „une très grosse rivière“. Въ 1545 г. въ Новгородѣ можно было, по видимому, насчитать не болѣе 5000 дворовъ (А. Э. т. I, № 205).

Рядки, посады и города (въ современномъ смыслѣ) Новгородской области отличались незначительными размѣрами своего населенія; въ самомъ людномъ изъ Новгородскихъ пригородовъ, на примѣръ, въ Корелѣ, къ концу XV вѣка можно было насчитать тяглыхъ людей всего лишь 223 человекъ въ 177 дворахъ ¹⁾. И тѣмъ не менѣе эти пункты сравнительно съ маленькими поселками въ 2—3 двора, преобладавшими въ Новгородской области, въ то время могли имѣть значеніе крупно-населенныхъ городскихъ центровъ. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что централизація сказывалась не только въ количествѣ населенія, но и въ родѣ его занятій ²⁾.

Съ статистикой населенія, разумѣется, тѣсно связана и статистика переселеній; цифровыя данныя по этому вопросу еще болѣе гадательны, чѣмъ въ первомъ случаѣ, но самый процессъ переселенія возможно было бы изучать въ связи съ колонизаціей. Какъ поднимались переселенцы со старинныхъ мѣстъ и садились на новыя, шла ли колонизація хуторами или болѣе крупными поселками, представляли ли они родственные или общинные союзы, все это—явленія, которыя можно наблюдать по писцовымъ книгамъ и которыя поддаются обработкѣ (см. ниже). Въ сочиненіи Никитскаго означенные вопросы затронуты лишь вскользь, мимоходомъ, въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, безъ попытки дать имъ болѣе точную постановку и возможное рѣшеніе.

Еще сильнѣе чувствуется недостатокъ въ трудѣ Никитскаго какихъ бы то ни было изслѣдованій въ области исторіи цѣвъ. Матеріалъ по этому вопросу, хотя и скудный, все же существуетъ. Въ Новгородскихъ и Псковскихъ лѣтописяхъ можно встрѣтить указанія на максимальныя цѣны пшеницы, ржи, овса, шена, хмѣля, рѣпы, меду, сухарей, соли и т. п. въ XII—XV вѣкахъ; крѣпостные акты XIV—XV вѣковъ содержатъ свѣдѣнія о цѣвѣ холоповъ, земельныхъ участковъ и цѣлыхъ хозяйствъ ³⁾. Между тѣмъ, подобнаго рода матеріалы позволили бы Никитскому приблизиться къ рѣшенію вопроса о доходности земельныхъ участковъ, промышленнаго труда и торговыхъ оборотовъ съ одной стороны, и о рыночной стоимости

¹⁾ И. Чечулинъ, Города Московскаго государства, стр. 35.

²⁾ А. Иминскій, Городское населеніе Новгородской области въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1876, июль, стр. 258—259.

³⁾ Въ договорахъ Новгородцевъ съ Нѣмцами стоимость нѣкоторыхъ товаровъ также иногда переводится на деньги; см., на примѣръ, проектъ 1269 г. *G. Sartorius und I. Lappenberg, Urkund. Gesch. der deutschen Hanse*, II, 1830, за. 98—98.

новгородскаго рубля съ другой. Упуская исторію цѣнъ, авторъ „Исторіи экономическаго быта Великаго Новгорода“, по неволѣ долженъ былъ оставить въ сторонѣ изученіе явленій, безъ которыхъ надлежащаго понятія объ экономическомъ бытѣ страны мы не получимъ.

Такимъ образомъ, сочиненіе Никитскаго едва ли можно назвать исторіей народнаго хозяйства въ предѣлахъ Новгородской области. Оно посвящено главнымъ образомъ описанію промышленности и торговли Великаго Новгорода до XV вѣка. Разъясняя нѣкоторые изъ важнѣйшихъ вопросовъ о производствѣ и обращеніи богатствъ, авторъ, при этомъ, почти не касается ихъ распредѣленія и потребления.

Не выдерживая исходной точки зрѣнія, указанной выше, Никитскій нерѣдко выступаетъ и за ея предѣлы. Переходя, напримѣръ, изъ области вопросовъ чисто экономическаго свойства къ вопросу объ организациі хозяйственной дѣятельности, авторъ много мѣста удѣляетъ характеристикѣ русскихъ и нѣмецкихъ купеческихъ общинъ, постоянно касается не только фактическихъ, но и правовыхъ отношеній членовъ ихъ другъ къ другу; тѣмъ не менѣе, сущность этихъ послѣднихъ остается совершенно не разъясненною. Связывать производство съ организацией труда, конечно, необходимо, но въ такомъ случаѣ желательно было бы выяснить ея фактическіе и правовые элементы, ибо характеромъ ихъ взаимоотношенія опредѣляется и степень развитія самой организациі. Представляются ли участники даннаго союза родственниками, сонаслѣдниками, контрагентами договора найма или товарищами, словомъ, къ чему сводится юридическое отношеніе между ними, ихъ *vera societas*—все это вопросы, которые подлежатъ рѣшенію, должны быть поставлены и могутъ быть отчасти разъяснены, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о занадно-европейскихъ „*Gesellschaft*“ или „*compagnie*“.

Еще далѣе отъ основной темы лежатъ, конечно, вопросы экономическаго законодательства и экономической политики. Никитскій касается ихъ вскользь, не выдѣляя въ особую группу. Между тѣмъ, такіе памятники, какъ уставъ „о городскихъ мостехъ“ или договоры Новгородцевъ съ Нѣмцами сами по себѣ заслуживали бы научнаго анализа, такъ какъ представляютъ до сихъ поръ довольно много спорнаго; новгородскія „скры“ въ ихъ разнообразныхъ редакціяхъ также оставлены авторомъ почти безъ всякаго вниманія ¹⁾. Много

¹⁾ При этомъ новѣйшая работа *Frensdorff'a* (*Das Statuarische Recht der deutschen Kaufleute in Novgorod, Göttingen, 1887*), осталась, повидному, неизвѣстною Никитскому.

характернаго представляеть исторію Новгородъ и въ той зависимости, какая обнаруживается между его экономическимъ строемъ и его культурой, общественными отношеніями и политикой¹⁾. Въ своемъ изслѣдованіи авторъ не касался большинства этихъ вопросовъ и, такимъ образомъ, лишилъ себя возможности указать на связь экономической жизни Новгородъ съ остальными ея проявленіями, что помѣшало ему опредѣлить и значеніе ея для Великаго Новгородъ.

Итакъ, въ сочиненіи своемъ А. И. Никитскій сводить исторію народнаго хозяйства Великаго Новгородъ на описаніе его промышленной и торговой дѣятельности, слишкомъ поверхностно толкуеть объ ея организаціи и почти вовсе не останавливается на экономическомъ законодательствѣ и хозяйственной политикѣ Новгородъ.

А. И. Никитскій задался мыслью ознакомить читателей не только съ экономическимъ бытомъ Великаго Новгородъ, но и съ исторіей этого быта. Подобнаго рода задачу трудно выполнить, не опредѣливъ предварительно порознь тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагалась хозяйственная жизнь Великаго Новгородъ. Мы видѣли, однако, что нашъ авторъ довольно произвольно опустилъ изъ виду цѣлый рядъ такихъ элементовъ; естественно, что и развитіе ихъ взаимоотношенія остается далеко не выясненнымъ.

Схему экономической исторіи Новгородъ авторъ старается прежде всего установить на основаніи общихъ соображеній. „Послѣдовательность, съ какой идутъ одинъ за другимъ производительные промыслы различныхъ націй вообще, пишетъ онъ, опредѣляется не закономъ экономического развитія, а исключительно природой и положеніемъ земли“. Подъ ея давленіемъ сказывается „различіе въ зачаткахъ производства“ у разныхъ народовъ, а такое различіе въ свою очередь обуславливаетъ особенности въ дальнѣйшихъ путяхъ его развитія и такимъ образомъ „отнимаетъ у прогресса производства всякую возможность служить нормой экономического развитія народовъ“ (стр. 1). Едва ли можно вполнѣ согласиться съ безусловнымъ характеромъ такого утвержденія. 1) Оно основано на идеѣ о полной изолированности данной социальной группы отъ остальныхъ. Какъ только мы предположимъ возможность со стороны этого „изо-

¹⁾ Здѣсь смѣлѣе чѣмъ гдѣ либо въ другихъ древне-русскихъ земляхъ мы можемъ наблюдать, напримѣръ, какъ этотъ строй повліялъ на образованіе словесныхъ дѣленій. Нѣсколько поверхностныхъ и едва ли правильныхъ замѣчаній по этому поводу мимоходомъ высказано Никитскимъ на стр. 47.

лированного государства" сноситься съ другими народами. исключительная его зависимость отъ мѣстныхъ условій слабѣетъ. Между тѣмъ Ильменскіе Славяне уже съ древнѣйшаго времени находились въ какихъ то сношеніяхъ съ восточными и западными сосѣдями, причеиъ эти группы племенъ не стояли на одинаковомъ уровнѣ развитія; такимъ образомъ условія благопріятныя для транзитной торговли были на лицо. 2) Въ основѣ вышеприведеннаго утвержденія лежитъ также идея о непосредственной связи между страной и ея кореннымъ, туземнымъ населеніемъ; такіе случаи, однако, встрѣчаются довольно рѣдко и, по крайней мѣрѣ въ европейской исторіи, едва ли не представляютъ исключенія. Ильменскіе Славяне, напримѣръ, подобно большинству другихъ народовъ, явились на мѣста, гдѣ застаеиъ ихъ исторія, изъ другихъ странъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ; устраниваясь здѣсь на новосельѣ, они уже обладали извѣстными зачатками культуры, могли, напримѣръ, заниматься не только скотоводствомъ, но и земледѣліемъ и обработкою нѣкоторыхъ металловъ (мѣди, а также золота, извѣстнаго славяно-германской группѣ народовъ. 3) Такимъ образомъ, благодаря зачаткамъ культуры, которые могли быть получены переселенцами независимо отъ мѣстныхъ условій страны вселенія, они получали возможность обнаруживать воздѣйствіе на окружающія ихъ условія природы, и чѣмъ далѣе шло развитіе, тѣмъ болѣе могло сказываться такое воздѣйствіе. 4) Замѣтимъ, наконецъ, что положеніе, высказанное Никитскимъ, едва ли согласно съ общей теоріей развитія. Первичныя условія хотя и имѣютъ нѣкоторое значеніе для какого нибудь отдаленнаго послѣдующаго періода данной исторіи, но вліяютъ на него гораздо меньше чѣмъ ближайшій предшествующій, въ которомъ, однако, могутъ оказаться элементы, невыводимые изъ первоначально данныхъ. Съ этой точки зрѣнія и отрицаніе за прогрессомъ производства *всякой* возможности служить нормой экономического развитія народовъ можетъ оказаться несостоятельнымъ.

Вышеприведенныя замѣчанія не уничтожаютъ, конечно, положенія, высказаннаго г. Никитскимъ; они только показываютъ, думается намъ, что безусловный его характеръ нуждается въ доказательствѣ и провѣркѣ, чего, однако, самъ авторъ, хотя бы примѣнительно къ Новгородской исторіи, не дѣлаетъ. Между тѣмъ Никитскій, исходя изъ этого утвержденія, заявляетъ, что „законъ экономического развитія“, то-есть, преемства, въ какомъ одинъ за другимъ слѣдуютъ

пастушескій бытъ, земледѣліе, мануфактуры и торговля, „не внушаетъ ни малѣйшаго довѣрія“ (стр. 1). Если мы обратимъ вниманіе на то, что указанные періоды характеризуютъ въ сущности развитіе одного производства, не приставлены другъ къ другу, а входятъ одинъ въ другой, что порядокъ ихъ представляетъ идеальную порму, которая въ *приложеніяхъ* своихъ, конечно, нарушается цѣлымъ рядомъ историческихъ обстоятельствъ, и что вышеприведенная формула простое эмпирическое обобщеніе, а не „законъ“, то и точка зрѣнія, высказанная на него Никитскимъ, вѣроятно, измѣнится.

Общія положенія, принятыя Никитскимъ, мало повліяли, однако, на послѣдующее его изложеніе, отличающееся строго фактическимъ характеромъ и большою осторожностью въ выводахъ. Быть можетъ, этимъ свойствомъ историка объясняется недостаточно ясная характеристика указанных имъ періодовъ новгородской экономической исторіи, по скольку о нихъ даютъ понятіе сами источники. Такихъ періодовъ г. Никитскій признаетъ всего три: къ первому относятся „зачатки Новгородской экономической жизни“ (IX—XII вѣка), во второмъ (XIII вѣкѣ) авторъ обращаетъ вниманіе на натуральное хозяйство и торговлю съ Западомъ, въ третьемъ (XIV—XV вѣка) на торжество Московскаго порядка; эта послѣдняя глава распадается на два отдѣла, посвященные обзору „зачатковъ денежнаго хозяйства“ и „торговли съ Западомъ“. Подобнаго рода схема недостаточно характерна. Натуральное хозяйство и торговлю съ Западомъ мы, конечно, встрѣчаемъ и въ первомъ періодѣ (стр. 11, 14—36); ее же можно видѣть также въ третьемъ (229—300); наконецъ, „торжество“ Московскаго порядка въ сущности становится замѣтнымъ лишь съ XV вѣка, притомъ, главнымъ образомъ, съ 1456 года (стр. 279). Эти дѣленія слишкомъ мало оправдываются и послѣдующимъ изложеніемъ, въ которомъ г. Никитскій, быть можетъ, не успѣлъ окончательно выяснить характерныя особенности намѣченныхъ имъ періодовъ.

Извѣстное дѣленіе всякой экономической исторіи на два періода, характеризующихся преобладаніемъ одного изъ типовъ: домашняго („ойкоснаго“, натурального) или общественнаго (мѣноваго, денежнаго, капиталистическаго) хозяйства, принято во вниманіе Никитскимъ. На первыхъ порахъ, замѣчаетъ онъ, каждое хозяйство заключало въ себѣ чуть ли не всѣ элементы промышленной жизни; говоря точнѣе, каждое хозяйство производило для собственнаго потребленія, а не для

обмѣна. При неудовлетворительности результатовъ, получаемыхъ отъ земледѣлія, природа Новгородской области открывала возможность ея обитателямъ заниматься еще и другими промыслами, наприимѣръ звѣроловствомъ и рыболовствомъ; „земледѣліе, звѣроловство и рыболовство поэтому входили въ составъ почти каждаго хозяйства“ (стр. 11). Не отиѣтивши порождаемую подобнаго рода хозяйственнымъ строемъ незначительность спроса и предложенія, сильно вліяющихъ и на образование цѣнностей, Никитскій прямо указываетъ на непосредственную мѣну товара на товаръ, какъ на „сущность натурального хозяйства“ (стр. 98, 100, 182). Между тѣмъ, натуральное хозяйство характеризуется, какъ мы видѣли, производствомъ для собственного потребленія, а не мѣною, которая возможна въ подобнаго рода строѣ лишь въ видѣ исключенія; авторъ забываетъ приэтомъ указать на ту незначительную роль, какую играли деньги, какъ мѣрыло цѣнности, а не орудіе обращенія. Далекое не полно выяснивши основныя особенности натурального хозяйства, Никитскій предполагаетъ денежное хозяйство болѣе или менѣе извѣстнымъ читателямъ и безъ дальнѣйшихъ разъясненій прямо приступаетъ (въ гл. III) къ характеристикѣ денежной системы Новгородцевъ съ начала XV вѣка. Между тѣмъ въ хозяйственной исторіи Новгорода, подобно другимъ, не трудно замѣтить, какъ постепенно растетъ значеніе труда въ производствѣ; самъ авторъ обращаетъ вниманіе на развитіе новгородской промышленности въ XIII вѣкѣ и на „систему кунъ“, то-есть въ сущности денежнаго, хотя и не металлическаго обращенія, наряду съ которымъ, однако, замѣчаются и первые признаки новаго порядка вещей (стр. 60, 61, 64). Такимъ образомъ это переходное время можно характеризовать развитіемъ промышленности и первичными зачатками денежнаго хозяйства. Съ этого времени все большее и большее значеніе получаютъ крупная поземельная собственность, денежные капиталы и вышняя торговля, характеризующіе третій періодъ въ исторіи новгородскаго хозяйства.

Дѣленіе это, конечно, не исключаетъ дѣйствіе каждаго фактора предшествующаго періода въ послѣдующемъ и не предполагаетъ возможность установить рѣзкія грани между указанными періодами. Замѣтимъ приэтомъ, что въ исторіи новгородскаго хозяйства, къ которой применимы всѣ эти ограниченія, второй періодъ въ виду цѣлаго ряда историческихъ обстоятельствъ очень скоро долженъ былъ уступить мѣсто третьему. Тѣмъ не менѣе каждому изъ періодовъ,

указанныхъ выше, присущи особенности, отличающія его отъ остальныхъ.

Въ первомъ изъ нихъ, напимѣрь ¹⁾, по всей вѣроятности важное значеніе имѣла колонизація, во второмъ она изъ общенародной превращается въ специальную, монастырскую (стр. 37) или военно-финансовую, въ третьемъ вырождается въ ушкуйничество. Въ первомъ періодѣ мы видимъ преобладаніе натурального хозяйства, малое развитіе спроса и предложенія и смѣшеніе занятій. Во второмъ періодѣ картина мѣняется: наряду съ натуральнымъ хозяйствомъ видны зачатки денежнаго (ср. стр. 60, 61 и 64); подъ вліяніемъ усиливающагося спроса начинается развиваться промышленная дѣятельность и ея организація (ср. стр. 85). Всѣ эти особенности еще сильнѣе выражены въ третьемъ періодѣ: денежное хозяйство въ это время окончательно водворяется, спросъ еще значительнѣе и вліяетъ на развитіе промышленности, которое сказывается въ раздѣленіи занятій (стр. 217) и въ появленіи обработанныхъ продуктовъ на рынкѣ. При натуральномъ характерѣ хозяйства въ древнѣйшій періодъ новгородской жизни обращеніе сводилось къ незначительной мѣнѣ товара на товаръ; отличаясь повидимому, перемежающимся, случайнымъ характеромъ оно состояло, главнымъ образомъ во внѣшней торговлѣ новгорода съ югомъ и югозападомъ Россіи, востокомъ и ближайшими торговыми центрами западной Европы (Готландомъ). Положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось во второмъ періодѣ: хотя заграничный торгъ все еще держится на мѣнѣ, тѣмъ не менѣе утверждается система купъ, какъ денежныхъ знаковъ, (ср. стр. 151), зарождается внутренняя торговля въ предѣлахъ Новгородской области, обращеніе не только усиливается, но и становится болѣе регулярнымъ, торговые обороты съ Днѣпра начинаютъ переходить на Волгу, тогда какъ торговля съ Нѣмцами, болѣе постоянная благодаря появленію ихъ въ Новгородѣ и договорамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно захватываетъ Ганзейскіе города, порождая между купцами довольно сильную конкуренцію. Всѣ это обстоятельства вліяютъ на историческія судьбы Новгорода, какъ главнаго пункта торговыхъ операцій и способствуютъ централизаціи Новгородской области. Въ третьемъ періодѣ взаимныя купъ начинаютъ появляться металлическія деньги, изгоняющія мѣну не

¹⁾ Ссылки на страницы въ текстѣ именно указываютъ на примѣры встрѣчающіеся въ книгѣ Никитскаго, но не утилизированные имъ съ этой точки зрѣнія.

только изъ внутреннихъ, но вѣроятно, отчасти и изъ внѣшнихъ оборотовъ. Нѣсколько большее постоянство и регулярность сношеній и сравнительное обиліе капиталовъ способствуютъ развитію кредита ¹⁾, а противъ конкуренціи приходится бороться вредною системою монополій (стр. 253). Торговля Новгородъ съ Поволожьемъ усиливается, но въ ней начинаютъ играть роль и новые конкуренты, московскіе купцы, состоящіе подъ покровительствомъ сильнаго сосѣда, Московскаго государя; что-же касается до западной торговли, то она все болѣе и болѣе отливаеъ изъ Новгородъ въ лифляндскіе торговые центры. Различія въ производствѣ и обращеніи за указанные выше періоды развитія въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ условій вызывали перемѣны и въ распредѣленіи. Въ первомъ періодѣ незначительность матеріальныхъ средствъ населенія (стр. 9) приводитъ къ довольно равномерному распредѣленію богатствъ, нарушенному во второмъ появленіемъ земельныхъ и денежныхъ капиталовъ; усиливавшаяся неравномерность въ распредѣленіи (стр. 193) естественно ведетъ къ антагонизму общественныхъ классовъ, борьба которыхъ обостряется въ третьемъ періодѣ и грозитъ перейти во внутреннія междоусобія. При такихъ условіяхъ и значеніе Новгородъ, какъ торговаго пункта, начинаетъ падать, тѣмъ болѣе что постоянно повторяющіяся хозяйственныя потери и зачатки роскоши придаютъ потребленію непродовольственный характеръ. Внутренніе безпорядки, притомъ, все растутъ, а внѣшнія политическія условія становятся все менѣе благоприятными. Сравнительно независимый въ первые два періода своего существованія Новгородъ въ этотъ послѣдній принужденъ считаться не только съ Орденомъ, но и съ Литвою, съ Тверскими и, главнымъ образомъ, съ Московскими князьями. Послѣдніе оказались въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ остальные, для того что-бы въ 1477—1478 гг. окончательно смирить Новгородъ и подчинить его своей самодержавной „волѣ“.

Таковы важнѣйшія особенности, характеризующія періоды, которые указаны, но не установлены Никитскимъ.

Обратимся къ критическому обзорѣнню важнѣйшихъ отраслей новгородскаго хозяйства, обратившихъ на себя вниманіе Никитскаго, причемъ каждую отрасль рассмотримъ вкратцѣ по возможности послѣдовательно за всѣ три періода ея развитія.

¹⁾ Das Rigische Schuldbuch (1286 — 1352) herausg. v. Dr. H. Hildebrand. Spt. 1872.

III.

Важнѣйшія отрасли народнаго хозяйства въ Великомъ Новгородѣ и его области.*1. Колонизація¹⁾.*

Очеркъ географическихъ условій, при которыхъ совершалась новгородская колонизація, Никитскій дѣлаетъ на основаніи современныхъ данныхъ и древнѣйшихъ источниковъ Новгородской исторіи.

Первымъ рядомъ показаній онъ пользуется для того, чтобы характеризовать климатъ и почву Новгородской области. Недостаточное знакомство съ новѣйшей литературой предмета, быть можетъ, нѣсколько повліяло на неопредѣленность такой характеристики. Средняя температура, ея колебанія и количество осадковъ въ данной области, могутъ быть указаны съ достаточною точностью, которой, однако, не видно въ изложеніи Никитскаго; тотъ же недостатокъ можно указать и относительно свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ о почвѣ²⁾.

Если въ очеркѣ физико-географическихъ условій Новгородской области авторъ, быть можетъ, слишкомъ мало придерживается исторической точки зрѣнія, то въ изображеніи флоры и фауны она получаетъ слишкомъ преобладающее значеніе; ихъ характеристика сдѣлана Никитскимъ лишь по тѣмъ указаніямъ, которыя встрѣчаются въ старинныхъ лѣтописяхъ и актахъ. Свѣдѣнія подобнаго рода, хотя и должны служить основаніемъ для вырѣшенія вопросовъ исторической географіи, но не могутъ удовлетворить изслѣдователя во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ отличаются слишкомъ случайнымъ характеромъ, что готовъ признать и Никитскій (стр. 3). Авторъ

¹⁾ Въ послѣдующемъ изложеніи мы подвергли критическому пересмотру лишь данныя о промыводствѣ (промышленности) и обращеніи (торговлѣ) богатства въ Новгородѣ, но не касались его распредѣленія и потребленія, такъ какъ это вопросы вовсе не затронуты въ сочиненіи и Никитскаго, на что было указано выше.

²⁾ *Wild*, Die Temperaturverhältnisse des Russischen Reichs, 1877—1881 (по русски 1882) съ атласомъ; см. напр. рус. пер. стр. 222 и прилож., стр. 161—162. *В. Чаславскій*, Почвенная карта Европейской Россіи, изданная департаментомъ земледѣлія и торговли и *В. Докучаевъ*, Картографія русскихъ почвъ, С.-Пб. 1879 г.

едва ли погрѣшили бы противъ научнаго метода, если бы присоединили новѣйшія указанія къ древнѣйшимъ свидѣтельствамъ, не сгѣшная, разумѣется, однихъ съ другими. Для этихъ цѣлей можно было бы воспользоваться географическими и топографическими описаніями прошлаго вѣка, а также разными путешествіями русскими и иностранными. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Флора Новгородской области остается почти вовсе незатронутой въ сочиненіи Никитскаго; матеріалы, собранные Палласомъ отчасти исполнили бы этотъ пробѣлъ ¹⁾). Описывая классъ рыбъ, Никитскій вовсе не упоминаетъ о стерлядяхъ, лещахъ, плотвахъ и щукахъ, которыя, судя по описанію 1771 г. водились, однако, въ Волховѣ; селявы, платицы (плотвы?), сомы и судаки, также не встрѣчающіеся въ перечисленіяхъ автора, населяли воды Псковской провинціи въ позднѣйшее время. Такіе же примѣры можно подыскать изъ другихъ классовъ животнаго царства: лисицы, водившіяся на Печорѣ, еще въ XVIII вѣкѣ встрѣчаются въ уѣздахъ Изборскомъ, Островскомъ, Пусторжевскомъ и Великолуцкомъ, лоси—также извѣстны были въ двухъ послѣднихъ ²⁾). Замѣтимъ при этомъ, что характеристика Никитскаго вышла бы, вѣроятно, точнѣе, если бы онъ постарался выдѣлать флору и фауну, характерную для Новгородской области, отъ общераспространенныхъ видовъ растений и животныхъ, что возможно было-бы сдѣлать на основаніи новѣйшихъ данныхъ ботанической и зоологической географіи. Странно, напримѣръ, на одну доску ставить медвѣдей, обитающихъ въ Сѣверной части Скандинавіи, въ восточной Европѣ и сѣверной Азіи съ космополитами въ родѣ зайцевъ и свиней, или тетеревовъ упоминать наравнѣ съ общераспространенными разновидностями anatidae и anseridae.

Множество водъ, изобиловавшихъ рыбою, и обширныхъ лѣсовъ, населенныхъ разновидностями пернатыхъ и четвероногихъ, при незначительности и разбросанности земельныхъ участковъ, годныхъ для обработки, обусловили и разсѣянность жилыхъ поселковъ, основанныхъ первыми колонистами изъ Славянъ въ области Ильмено-Невской системы. По справедливому замѣчанію Никитскаго „мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для того, чтобы судить, насколько эта обшир-

¹⁾ С. Р. И. О., т. XLII, стр. 358—367; *П. Палласъ*, Описаніе растений Россійскаго государства, перев. съ рукоп. В. Зуевъ, С.-Пб. 1786 г.

²⁾ Топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Россійской Имперіи, С.-Пб. 1771 г., т. 1, стр. 339, 341, 345, 363, 387.

ная область стала ареною культуры уже въ древнѣйшее время и какъ сформировались въ ней права собственности. Можно, однако, предполагать, что вся земля и въ цѣломъ составѣ достояніе Великаго Новгорода была открыта для занятія и обработки всѣхъ свободныхъ Новгородцевъ. Последніе дѣйствительно подъ именемъ смердовъ владѣли ею въ значительной части и черезъ это стояли въ нѣкоторомъ отношеніи къ князю, какъ представителю власти Великаго Новгорода“ (стр. 9). Такимъ образомъ, колонизація была скорѣе всего общенародною.

Древнѣйшіе процессы заселенія страны мы, однако, можемъ себѣ представить, по крайней мѣрѣ отчасти, судя по позднѣйшимъ явленіямъ такого же рода. Первоначальною формою поселковъ была по мнѣнію автора „весь, обозначавшая такое селеніе, члены котораго были соединены между собою родственною связью“ (стр. 38). Никитскій не приводитъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія, хотя, можетъ быть, они дѣйствительно существуютъ. Множество деревень съ наименованіями въ родѣ: Андреевичи, Домашевичи, Евоповичи, Мишутковичи, Нестеровичи и т. д., вѣроятно, образованы были родственниками ¹⁾. Авторъ, однако, видитъ въ XIII вѣкѣ уже новую форму поселенія, въ которомъ „родственные или даже общежительныя отношенія совершенно не играютъ никакой роли“ (стр. 38). Быстрый переходъ отъ первой формы ко второй остается необъясненнымъ, да и другія соображенія не говорятъ въ пользу такого утвержденія. Деревни съ патронимическими названіями продолжаютъ образовываться и въ позднѣйшее время ²⁾. Самъ авторъ замѣчаетъ, что „чуть ли не каждое появленіе новой семьи было равнозначительно съ заложениемъ новыхъ поселковъ“ (стр. 37); обычай семейныхъ раздѣловъ, извѣстный намъ по новгородскимъ грамотамъ позднѣйшаго времени ³⁾ и существованіе почти рядомъ поселковъ съ одинаковыми названіями, быть можетъ, говорить въ пользу этого положенія ⁴⁾. Наконецъ и договоры купли продажи даютъ любопытныя свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу. Въ актахъ, закрѣпляющихъ подобнаго рода сдѣлки, обыкновенно упоминаются ихъ участники. Давно уже было замѣчено, что выраженія: „пріобрѣсть имущество себѣ и своимъ

¹⁾ Новгородскія писцовыя книги, т. II, С.-Пб. 1862, стр. 66, 68, 69, 93 и др.

²⁾ Ibid., стр. 119.

³⁾ А. Ю., стр. 111, 112 и 113.

⁴⁾ Новгородскія писцовыя книги, т. II, стр. 66, 68, 89, 100, 110, 131 и др.

дѣтямъ или уступить такому-то лицу и его дѣтямъ и, наоборотъ, приобрести имущество отъ такого-то лица и его дѣтей или уступить вмѣстѣ съ своими дѣтьми свое имущество—вызваны стремленіемъ родителей сохранить остающееся послѣ нихъ имущество въ пользу своихъ дѣтей противъ притязаній старшихъ родственниковъ и означаютъ только приобретение или отчужденіе имущества въ вѣчное и потомственное владѣніе¹⁾. Съ этой точки зрѣнія, однако, не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ упоминаніе отца съ дѣтьми, отчуждающаго данное имущество, могло удовлетворить родительское чувство: вѣдь оно открывало возможность „старшимъ родственникамъ“, не указаннымъ въ актѣ, выражать свои претензіи на объектъ сдѣлки, лишая одновременно такого же права прямыхъ наследниковъ продавца, согласившихся на ея совершеніе. Возможно, что въ виду этого „отецъ съ дѣтьми“ въ числѣ продавцовъ почти не встрѣчается; взаимнъ этого перечисляются братья или родственники, отчуждающіе имущество²⁾. Но перечисленіе такихъ лицъ, которыя могли быть его совладѣльцами въ моментъ совершенія договора, невольно вызываетъ вопросъ: не были ли они не только дѣеспособными, но и правоспособными контрагентами заключаемой сдѣлки? Не были ли они *zui heredes* въ древнѣйшемъ смыслѣ этого термина, не почитались ли „*etiam vivo patre quodammodo domini*“?³⁾

Въ виду вышензложенныхъ соображеній мы не рѣшаемся утверждать вмѣстѣ съ Никитскимъ, что въ основѣ новыхъ формъ поселенія родственныя отношенія не играли никакой роли; возможно, напротивъ, что они предопредѣляли въ нѣкоторой мѣрѣ самый характеръ поселенія, землепользованія и землевладѣнія. Нѣтъ сомнѣнія однако, что въ этихъ явленіяхъ и „общезительныя отношенія“ играли нѣкоторую роль. Существованіе „приходской земли“ возможно было лишь благодаря духовному общенію между членами данной

¹⁾ К. Неволинъ, Исторія гражданскаго законодательства, т. I, стр. 345. С. Г. Г. и Д., т. I, № 6, 7 и 8. Здѣсь читаемъ между прочимъ слѣдующее: „А кто купилъ, а тыи знаетъ своего истьца или *домни* ею: истьца ли не будетъ, ни *домни* ею, цѣловати хрестъ; како истьца не свидаетъ ваяти ему куны, колико будетъ данъ по исправѣ, а земля Новугороду“ (1306 г.).

²⁾ А. Ю., № 71, I, V, XII, XXI, XXVIII, XXXII и XXXVI; въ послѣднемъ актѣ продавцами оказываются отецъ съ дѣтьми.

³⁾ Вопросъ этотъ, кажется, до сихъ поръ окончательно не выясненъ въ древнегерманскомъ правѣ, хотя и рѣшается утвердительно въ англо-саксонскомъ; см. O. W. Holmes, The common law, pp. 342, 344, 346.

группы поселков¹⁾, а сябренное и складническое землевладѣніе предполагаетъ образованіе ассоціацій до приобрѣтенія земли, хотя и въ виду пользованія ею (см. ниже).

Одною изъ позднѣйшихъ формъ поселенія, по мнѣнію Никитскаго, можно считать село. „Какъ мѣсто поселенія, село заключало въ себѣ обыкновенно жилища помѣщенія и этимъ собственно отличалось отъ простой поземельной собственности“ (стр. 38). Но въѣды и въ „весахъ“ были жилища строенія. Слѣдовательно, указаннаго признака недостаточно для опредѣленія понятія села. Последнее, дѣйствительно, содержало обыкновенно жилища строенія, принадлежавшія, однако, собственнику даннаго участка, а не его людямъ и поселеннымъ на его землѣ крестьянамъ. Въ актахъ, напримѣръ, участки, на которыхъ одинъ дворъ хозяина, нерѣдко называются селомъ, а тамъ, гдѣ такихъ дворовъ нѣсколько — селами; нѣтъ двора на участкѣ, осталось только дворце, то-есть, мѣсто, гдѣ стоялъ нѣкогда хозяйскій дворъ, и участокъ перестаетъ называться селомъ; то же, конечно, наблюдается, когда вовсе нѣтъ ни дворовъ, ни дворце²⁾. Впрочемъ встрѣчаются случаи, когда дворъ — на участкѣ, но о селѣ нѣтъ и рѣчи, или, наоборотъ, когда говорится о $\frac{2}{3}$ села, хотя двора не упоминается³⁾. Последніе случаи, вѣроятно, объясняются раздѣлами селъ пополамъ, по третямъ и т. д.; возможно, что съ теченіемъ времени, подобныя выраженія получили значеніе нѣкоторой мѣры; говорили: село земли, полсела, двѣ трети села...

Заселеніе края на первыхъ порахъ осложнилось тѣмъ, что славянамъ-колонистамъ приходилось встрѣчаться и ладить съ туземнымъ населеніемъ. Никитскій почти вовсе опустил изъ виду то вліяніе, какое могло оказывать это общеніе, хотя бы въ области промышленности (стр. 78). Русскіе насельники, повидимому, скорѣе проиграли, чѣмъ выиграли отъ такого общенія. Западнымъ финнамъ они передали, напримѣръ, слѣдующія слова (преимущественно древнѣйшія): аршинъ, берковецъ, вервь, веревка, верста, гумно, долото, клѣтъ, ковшъ, коробья, ложка, мошна, острога, печь, пирогъ, сапогъ, соха, товаръ, торгъ⁴⁾, между тѣмъ какъ сами заимствовали

¹⁾ А. Ю., № 71, XXV, XXVI, XXIX, XXX, XXXI, XXXVII.

²⁾ А. Ю., № 71, *passim*.

³⁾ А. Ю., № 71, XVIII, XXVIII и XXXVI; *ibid.*, № XXV.

⁴⁾ J. Mikkola, *Berührungen zwischen den Westfinnischen und Slavischen Sprachen*, Hels. 1898, ss. 79—84.

лишь нѣсколько незначительныхъ выраженій изъ области промышленной техники: таковы, повидному, сарья—сварядъ для битья шерсти, тарья—рѣшетка или заборъ „для препятствованія рыбѣ подниматься вверхъ по рѣкѣ“, шабала, шебала — всякая щепенная посуда, выраженія, и по сіе время употребляемыя на Мезени и Двинѣ; время ихъ заимствованія, впрочемъ, неизвѣстно ¹⁾. Лишь вліяніе, какое финны могли оказать на русскихъ въ развитіи металлургическаго искусства, отмѣчено Никитскимъ ²⁾.

Такъ же мало обращено вниманія авторомъ и на послѣдующія спеціальныя колонизаціи: монастырская почти вовсе не разработана, а военно-финансовая пройдена молчаніемъ. Между тѣмъ походы, предпринимаемые повольниками на новгородскія окраины, имѣли непосредственное экономическое значеніе для самого Новгорода; не говоря о новыхъ земляхъ, присоединяемыхъ военными отрядами къ новгородской территоріи и увеличивавшихъ количество данниковъ новгородскихъ, повольники, возвращаясь въ столицу, приносили обратно добычу, въ томъ числѣ нерѣдко приводили и полонъ, которымъ пополнялся контингентъ рабовъ, имѣвшихъ важное значеніе въ новгородскомъ хозяйствѣ ³⁾.

2. Промышленность.

При описаніи древнѣйшихъ видовъ хозяйственной дѣятельности звѣриного и рыбнаго промысловъ, Никитскій останавливается лишь на новгородской флорѣ и фаунѣ, но подробнаго анализа экономическаго значенія звѣроловства и рыболовства въ новгородскомъ хозяйствѣ не даетъ. Внимательнѣе авторъ отнесся къ земледѣлію или, скорѣе, къ землепользованію. Остановимся на его заключеніяхъ по этой части.

Система полевого хозяйства была первоначально подсѣчной. Это

¹⁾ *М. Веске*, Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка, Казань. 1890 г., стр. 93—95.

²⁾ Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что Славяне, какъ отрасль Индоевропейскаго племени, могли уже обрабатывать мѣдь и до знакомства съ Финнами; терминъ для означенія золота перешелъ въ западно-финскія нарѣчія изъ германскихъ (*O. Schwader*, Sprachvergleichung und Urgeschichte, 2-te Auf., Iena, 1890, s. 257).

³⁾ Новгородская лѣтопись по синодальному списку, стр. 160, 195, 228, 334, 404. II. С. Р. Л., т. VIII, стр. 168.

доказываетъ Никитскій, приводя въ пользу своего мнѣнія данныя конца XV вѣка (стр. 70); но и позже въ XVII вѣкѣ въ предѣлахъ прежнихъ Новгородскихъ владѣній продолжаютъ практиковаться тѣ же приемы. Такъ, напримѣръ, писцы, посланные въ 1624—1625 годахъ въ Тотемскій уѣздъ, „мѣрили живущую пашню и отхожую“. Эти земли получались „свѣченіемъ чернаго лѣса...“ „И опроставъ, пишутъ крестьяне въ своей челобитной государю, сойдемъ одинъ хлѣбъ и то мѣсто и покинемъ, покамѣста опять лѣсъ большой поростетъ“¹⁾. Мало по малу, однако, подсѣчное хозяйство смѣнилось трехпольнымъ. „Древнѣйшія писцовыя книги не знаютъ уже ни какой другой системы“ (стр. 221, ср. впрочемъ стр. 222—223, прим.). При этомъ на ряду съ экстенсивной культурой зарождается интенсивная; въ грамотахъ XIV—XV вѣковъ, напримѣръ, встрѣчаются указанія на хмѣлеводство²⁾.

Обработка земли требовала и болѣе или менѣе сложной, организации земледѣльческаго труда; на ея разновидностяхъ Никитскій останавливается съ особеннымъ вниманіемъ. „Весь строй новгородской жизни, пишетъ авторъ, проникнутъ былъ господствомъ личнаго начала, трудно мирившагося съ какими либо ограниченіями личной самостоятельности“ (стр. 44). Не останавливаясь здѣсь на разборѣ этого положенія въ полномъ его объемѣ, посмотримъ, насколько оно согласно съ характеромъ организации земледѣльческаго труда. Этому положенію противорѣчитъ прежде всего существованіе въ Новгородѣ несвободныхъ лицъ, цѣна которыхъ, судя по актамъ конца XV вѣка, колебалась отъ 1½ до 3 рублей новгородскихъ³⁾. „При перечисленіи принадлежностей древнихъ новгородскихъ частныхъ имѣній, мы встрѣчаемъ почти неизбѣжно указанія на присутствіе въ нихъ рабовъ, вѣрный признакъ, что обработка имѣній находилась на ихъ обязанности“ (стр. 10). Правда, что въ позднѣйшее время, по мнѣнію Никитскаго, этотъ порядокъ будто бы нѣсколько измѣнился. „Назначе-

¹⁾ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, П. Д. С. Л. 7154—7156 г.: Дѣло по челобитью Тотемскаго уѣзда посмльщика Ѳедора Дубровина. Ср. А. Ефименко, Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ въ „Исслѣдованія народной жизни“, вып. I, изд. 2-е, стр. 201. А. Соколовъ, О системахъ земледѣлія, С.-Пб., 1867, стр. 15—16.

²⁾ А. Ю., № 71, VII.

³⁾ Записная книга вѣрностнымъ актамъ XV—XVI вѣковъ, явленныхъ въ Новгородѣ дяку Алябеву и въ копіи присланная А. Зердаловымъ въ Археографическую Комиссію.

ніе челяди, нишетъ намъ авторъ, лежалю, кажется, въ значительной долѣ внѣ сферы экономической жизни; она служила главнымъ образомъ для личныхъ потребностей хозяевъ" (стр. 62—63). Не говоря о томъ, что „личныя потребности хозяевъ" входятъ также въ „сферу экономической жизни", трудно представить себѣ, какими образомъ порядокъ, только что установившійся въ XII вѣкѣ, успѣлъ уже распататься въ слѣдующемъ столѣтіи. Авторъ замѣчаетъ, что „освобожденіе рабовъ на волю" способствовало уменьшенію ихъ количества; но съ другой стороны, взаимъ отпускаемыхъ, въ холоństwo поступали и новыя лица, на что указываетъ цѣлый рядъ актовъ XV—XVI вѣковъ; увеличеніе денежныхъ капиталовъ въ рукахъ землевладѣльцевъ также открывало новый источникъ холонокской зависимости, укрѣпленной служилою кабалой¹⁾. Примѣры небольшого количества рабовъ у нѣкоторыхъ изъ землевладѣльцевъ XIII вѣка также мало убѣдительно: по числу вкладовъ въ монастырь судить, напримѣръ, о числѣ принадлежавшихъ ему рабовъ опасно, такъ какъ случайныя упоминанія о вкладахъ не даютъ понятія о *цѣльномъ* монастырскомъ хозяйствѣ. Къ тому же Никитскій пользуется лишь двумя *примѣрами*, для *доказательства* весьма важнаго заключенія, которое свидѣтельствовало бы въ пользу значительнаго хозяйственнаго, да и общественнаго развитія обнаруженнаго Новгородцами при переходѣ изъ XII въ XIII вѣкъ. Далѣе, слѣдуетъ замѣтить, что „земледѣльцы, кажется, вообще не имѣли обыкновенія привлекать крестьянъ къ воздѣлыванію своей пашни или по крайней мѣрѣ тѣхъ участковъ, которые оставались впустѣ" (стр. 63). Наконецъ, въ періодъ Московскаго владѣчества нерѣдко встрѣчаются указанія на людей помѣщика, воздѣлывающихъ для него пашню или скашивающихъ сѣно²⁾, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется увеличеніе боярскихъ запашекъ въ это время (стр. 210).

Вышеприведенному заключенію Никитскаго противорѣчат и другія формы отношеній. „Кромѣ рабовъ, замѣчаетъ самъ авторъ, рабочую силу при обработкѣ частныхъ имѣній могли доставлять полусвободные..." „Уже Русская Правда, какъ извѣстно, упоминаетъ о ролейныхъ закупахъ и нѣтъ никакого основанія отрицать ихъ присутствіе въ Новгородѣ..." А подъ ролейными закупамъ слѣдуетъ разумѣть лицъ, „обязанныхъ за долгъ работать на владѣльческихъ зем-

¹⁾ А. Д., т. I, № 35 (ок. 1400 г.).

²⁾ Новгородскія писцовыя книги, *passim*.

ляхъ при помощи владѣльческаго скота и орудій...“ (стр. 11). Къ сожалѣнію Никитскій не указалъ на связь, какая существуетъ между этимъ состояніемъ и позднѣйшимъ серебрянничествомъ, легко приводившимъ, какъ мы видѣли, къ кабальному холопству.

Бывали, однако, случаи, когда по свободному обоюдостороннему договору одинъ изъ его контрагентовъ поставлялъ капиталъ, пужный для предпріятія, а другой, главнымъ образомъ, трудъ, необходимый для эксплуатаціи самаго капитала. Въ такомъ отношеніи, какъ кажется, находились землевладѣлецъ и половникъ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшее время оно лежало въ основаніи заключаемаго контракта. Никитскій слишкомъ не ясно выражаетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ. „Основаніе, которымъ (sic) опредѣлялись отношенія между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ, пишетъ онъ, вездѣ было (въ XIII вѣкѣ) одно и то-же, а именно не что иное, какъ половничество. Земля сдавалась крестьянамъ не подъ условіемъ платы опредѣленной ренты деньгами или хлѣбомъ, а подъ условіемъ внесенія извѣстной доли продукта. Но единство основанія не устранило, однако, разнообразія (въ величинѣ доли продукта) формъ поземельныхъ отношеній, не только въ разныхъ краяхъ области, но даже въ одной и той же мѣстности. Первоначальною величиной, отъ которой получила свое названіе и вся система отношеній, было внесеніе въ казну землевладѣльца половина или половины общаго ежегоднаго дохода землевладѣльца. Но затѣмъ въ обычаѣ стало утверждаться рядомъ съ полостью и плата трети, четверти и пятины годичнаго дохода“ (стр. 59 — 60). Этотъ рядъ обобщеній, сдѣланныхъ Никитскимъ, страдаетъ большою неточностью. Основаніе отношенія между хозяиномъ и половникомъ, принятое авторомъ, не разъясняетъ намъ, почему половникъ не выплачиваетъ аренды землевладѣльцу и не работаетъ по найму, а дѣлитъ *доходы* съ хозяиномъ: при этомъ, Никитскій указываетъ, что избранное имъ основаніе „половье“ мѣнялось и, не смотря на такія перемѣны, считаетъ, однако, отношеніе на новомъ основаніи не измѣнившимся. Наоборотъ, если предполагать, что въ основѣ разбираемаго отношенія лежитъ соглашеніе двухъ контрагентовъ, направленное на пріобрѣтеніе имущества (дохода) на общія средства, причемъ одинъ изъ нихъ вноситъ капиталъ, а другой трудъ, (иногда, можетъ быть, съ небольшою долей капитала въ видѣ орудій или сѣмянъ), то станетъ понятнымъ, почему члены товарищества, *но* выполненіи предпріятія, *дѣлятъ* полученные отъ него *доходы* между собою по паямъ. Указывая на то, что земля сдавалась крестьянамъ

не подъ условіемъ платы опредѣленной ренты деньгами или хлѣбомъ, а подъ условіемъ внесенія извѣстной доли продукта, Никитскій не разъясняетъ, въ чемъ онъ полагаетъ разницу между „рентой хлѣбомъ“ и долей продукта; вѣдь и поземельная рента можетъ входить въ „долю продукта“. Необходимо было бы опредѣлить, что значить эта „доля продукта“, всего вѣроятіе видѣть въ ней часть валоваго дохода съ оборотнаго капитала. При такихъ условіяхъ, искъ (actio pro socio) могъ быть направленъ на раздѣлъ общей прибыли и общихъ убытковъ.

Въ Новгородской области существовали и другіе союзы, образовавшіеся въ виду хозяйственной эксплуатаціи земельныхъ участковъ. Таковыми можно считать сябровъ и складниковъ, на значеніе которыхъ Никитскій не обратилъ никакого вниманія. Съ извѣстною долей вѣроятія можно предположить, что въ основѣ сябринства и складства лежали первоначально родственныя отношенія. Въ одной изъ старинныхъ новгородскихъ купчихъ (XIV—XV вѣковъ) встрѣчается, наприимѣръ, упоминаніе о „сябрахъ“, которые всѣ оказываются родственниками „дѣтьми Сасиними“ и всѣ вмѣстѣ продаютъ свою тоню Ивану Чевакину. Извѣстны также весьма любопытные случаи перехода семейнаго союза въ складство въ предѣлахъ той же Новгородской области ¹⁾; съ теченіемъ времени подобнаго рода товарищества стали слагаться и на другой почвѣ ²⁾.

Распространенность сябринства, какъ особой формы земельной коопераціи, въ древней Россіи несомнѣнна. Въ посланіи митрополита Климента къ смоленскому пресвитеру Фомѣ, XII вѣка, попадаются между прочимъ слѣдующія строки: „да скажу ти сущихъ славы хотящихъ: иж прилагаютъ домъ къ дому и села къ селомъ, изгонж и сябры и бортіи и пожни ляда же и старины...“ ³⁾. Указанія на сябровъ встрѣчаются и въ судебныхъ грамотахъ Псковской и Новгород

¹⁾ А. Ю., № 71, V. А. Ефименко, Крестьянское землеуладѣніе на крайнемъ сѣверѣ въ „Исслѣдованіяхъ народной жизни“, вып. I, изд. 2, стр. 219—230. Особенно стр. 222, гдѣ приведенъ любопытный случай перехода семейнаго союза въ складство (1602 г.). И. Лучицкій, Сябры и сябринное землеуладѣніе въ *Смоленомъ Вѣстникѣ* за 1889 г., №№ 1 и 2. А. Ю., 71, V. Русская Историческая Библиотека, т. XIV, стр. 339, 602.

²⁾ См. ниже.

³⁾ Памятники древней письменности, № XC, С.-Пб. 1892, изд. X. Лопарева, стр. 14.

ской, въ связи съ дѣлами по поземельнымъ искамъ ¹⁾). Въ началѣ XVI вѣка въ Витебскѣ и Полоцкѣ упоминаются сябры городскіе, что внушаетъ мысль о существованіи сябровъ сельскихъ, которые позднѣе постоянно встрѣчаются въ Малороссіи. Сущность подобнаго рода союзовъ сказывается, напримѣръ, въ одной изъ новгородскихъ межевыхъ грамотъ 1521 года, выданной по поводу спора, возникшаго между старожильцами Кулгальскими и Кривецкими съ Гакукшанами. „А что по Сомбѣ рѣкѣ пожни, говорили старожильцы, и тѣ пожни косити Кулгалцомъ и Кривчаномъ и вѣвки по старинѣ; а к тому имъ тѣхъ поженъ не прибавляти а что являли передъ судьбою Юрьевскаго монастыря крестьянинъ Полута Михѣевъ сынъ да в. к. крестьянинъ Пудожской Лучка Ѳедотовъ Панезерець, а сказывались въ томъ же ободѣ сябры и мы Кугалцы и Кривчане за тѣхъ исцовъ съ Гакукшаны не мирились; а мы Гакукшаны тѣхъ исцовъ въ той земли собя сябрами не сказываемъ, а который насъ Кулгалецъ или Кривчанинъ перелѣзетъ за межу, а учнутъ пахати опять ту землю и не устоимъ въ своемъ словѣ ино на насъ Кулгалце и на Кривчанахъ 10 рублевъ Московская“ ²⁾). Такимъ образомъ, сябры представляются намъ товариществомъ, которое владѣетъ землею въ одной межѣ. На эту землю сябры имѣютъ, повидимому, одну „купную (общую) грамоту“; каждый шаберъ или сябрь пользуется, однако, своимъ участкомъ земли, но распоряжаться имъ, помимо всего товарищества, не можетъ. Поэтому на судѣ „всея сябры становятся въ одномъ мѣстѣ“, хотя крестъ цѣловать долженъ одинъ „во всея сябровъ“, то-есть, за все товарищество ³⁾).

Къ тому же типу очень близко подходили и другіе союзы, извѣстные подъ названіемъ складствъ. Въ писцовыхъ книгахъ Новгородской области встрѣчаются извѣстія о складникахъ при описаніи земледѣльческихъ хозяйствъ ⁴⁾). Никитскій считаетъ такихъ лицъ „крестьянами, жившими за чужимъ тягломъ“ (стр. 65). Въ древнѣйшихъ памятникахъ мы, къ сожалѣнію, не встрѣчаемъ достаточно

¹⁾ Псковская судная грамота, ст. 92 и 106; Новгородская судная грамота, ст. 24. (М. Владиміръскій-Будановъ, Христоматія, вып. I, стр. 160, 165 и 178). Сборникъ П. Муханова, № 83; А. З. Р., т. I, № 204; т. II, № 70.

²⁾ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, II. Д. С. Л., 7029 г. (выписку изъ этого дѣла обязательно сообщилъ мнѣ А. П. Вороновъ).

³⁾ Псковская судная грамота, ст. 92 и 106. Дальнѣйшихъ указаній на способы землепользованія союза сябровъ въ предѣлахъ Новгородской области мы къ сожалѣнію не имѣемъ.

⁴⁾ Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XI, стр. 56.

ясныхъ указаній на это состояніе. Сопоставленіе наиболѣе раннихъ текстовъ съ позднѣйшими даетъ намъ, однако, возможность нѣсколько разъяснить сущность складства. Одна изъ новгородскихъ кунчихъ XIV—XV вѣковъ укрѣпляетъ сдѣлку между мужемъ съ женою и двумя лицами Василиемъ Филимоновичемъ и Евсеємъ Онаньинимъ. Василий и Евсейъ вмѣстѣ покупаютъ у нихъ село Ижемское „за девять сороковъ бѣлки, а пополека кура“. „А будетъ Евсею не до земли и его дѣтемъ, ино имъ мимо Василья Филимонова и его дѣтей земли не продавати никому же; ни Евсеѣвымъ дѣтемъ мимо Васильевыхъ дѣтей земли не продавати никому же, ино взяти Евсею и его дѣтемъ своя куны у Василья у Филимонова и у его дѣтей, полъгята сорока бѣлки, а земля Василью Филимонову и его дѣтемъ одерень и вѣки“¹⁾. Ясно, что Василий и Евсейъ приобрѣтаютъ землю на общія средства, въ складчину, едва ли даже не на равныхъ паяхъ²⁾. Нѣчто подобное встрѣчается и въ грамотахъ Соловецкаго монастыря XV вѣка, гдѣ есть указанія на то, что нѣсколько лицъ „компаниини, вдвоемъ, втроемъ покупали въ Поморѣ землю и селились на нихъ“³⁾.

Въ позднѣйшее время, судя, напримѣръ, по актамъ XVI—XVII вѣковъ, въ Двинскомъ краѣ члены такого товарищества назывались складниками; лица, состоявшія въ родственныхъ отношеніяхъ нерѣдко сохраняли общность движимаго имущества; въ противномъ случаѣ складники независимо другъ отъ друга распоряжались имъ⁴⁾. Сообща владѣя при этомъ землею на правахъ собственности, которыя укрѣплялись такою же „купною грамотою“, какъ и владѣнія слбровъ⁵⁾. Пользованіе общемою собственностью, повидимому, было различно; встрѣчаются случаи, когда складники обрабатывали „вопчюю землю“ по переѣмамъ: одинъ годъ участокъ эксплуатировался однимъ изъ складниковъ, слѣдующій—другимъ⁶⁾; луга также, повидимому, иногда оставались

¹⁾ А. Ю., № 71, X; „складствомъ“ называлось иногда общее тягло (Русская Историческая Библіотека, т. XIV, стр. 140).

²⁾ Василий и Евсейъ всего заплатили 9 сороковъ бѣлки; Евсейъ въ случаѣ выхода изъ товарищества (которое тѣмъ самымъ и прекращается) обязуется уплатить полпята сорока бѣлки Василию, то-есть половину покупной цѣны.

³⁾ В. Ключевскій, Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Беломорскомъ краѣ—въ Извѣстіяхъ Московскаго Университета за 1867 г., № 7.

⁴⁾ А. Ефименко, *Op. cit.*, стр. 222. Русская Историческая Библіотека, т. XIV, стр. 718, 788.

⁵⁾ Русская Историческая Библіотека, т. XII, стр. 267; т. XIV, стр. 190 и 765.

⁶⁾ Русская Историческая Библіотека, т. XII, стр. 218, 219, 431, 450; т. XIV, стр. 570.

въ общемъ пользованіи, причеиъ члены товарищества дѣлили между собою скошенное сѣно въ копнахъ ¹⁾); наконецъ, складники нерѣдко предпочитали раздѣлять свою поземельную собственность, обыкновенно пашню, на участки, жеребьи, которые обрабатывали независимо другъ отъ друга; къ сожалѣнію трудно сказать, переповторялись ли такіе дѣлежи, не приводили ли они къ передѣламъ? Существуютъ указанія на то, что они иногда уравнивались при дѣлежѣ ²⁾). Какъ юридическое лицо, складники все вмѣстѣ облагались податями и вносили ихъ ³⁾, а также подобно сябрамъ „стояли за одно на судѣ“; сохранилась даже чрезвычайно любопытная „одинашная запись“ 1608 г., которая утверждаетъ подобнаго рода специфическій видъ солидарности. Лица, ее заключившія, обязуются „стояти всеиъ вмѣстѣ за вопчю землю“ и для этого, на общія средства отпустить одного изъ „товарищей“ въ ближайшій уѣздный городъ или Москву по дѣламъ, причеиъ каждый изъ членовъ товарищества получаетъ по одному экземпляру „одинашной“ ⁴⁾).

Такимъ образомъ, ассоціаціи въ родѣ сябровъ и складниковъ имѣютъ много общаго между собою. Онѣ, можетъ быть, различались другъ отъ друга скорѣе способомъ приобрѣтенія земельного имущества, чѣмъ пользованія имъ. Сябры владѣли сообща *унаслѣдованною* ими землею. Въ основѣ складства лежитъ, напротивъ, повидимому обоюдостороннее соглашеніе, направленное на приобрѣтеніе имущества общими средствами, что обусловливаетъ и своего рода *condominium* товарищей на это имущество. Эти средства, конечно, могли быть различны: при захватѣ земли, участники предприятия вкладывали, главнымъ образомъ, свой трудъ и при крайней ея дешевизнѣ, а также экстенсивной ея обработкѣ, вѣроятно, не нуждались въ большихъ капиталахъ. Поэтому, если такой типъ товарищества и имѣлъ смѣшанный характеръ, то не слѣдуетъ забывать во всякомъ случаѣ, что орегаетъ играли въ немъ едва ли не важнѣйшую роль; союзы сябровъ

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, т. XIV, стр. 763—764.

²⁾ Русская Историческая Библиотека, т. XIV, стр. 128, 769 и 832.

³⁾ Русская Историческая Библиотека, т. XII, стр. 14—29. Ср. впрочемъ стр. 26. т. XIV, стр. 140. А. Ефименко, *Op. cit.*, стр. 229—230.

⁴⁾ Русская Историческая Библиотека, т. XIV, стр. 555, 570, 583, 632, 661, 760. Одинашная запись напечатана тамъ же, стр. 832. А. Федотовъ. *Чеховскій*. Акты гражд. распр., т. II, № 151 (7195 г.). Судя по этому послѣднему акту, Мятка Верещаганъ владѣетъ деревней въ Волгожемской волости Устюжскаго уѣзда; онъ отвѣчаетъ на судѣ „и вмѣсто складниковъ“.

и складниковъ съ этой точки зрѣнія легко приравнять къ поземельной артели. Дальнѣйшая связь между членами товарищества того или другого типа поддерживалась не только *condominium*'омъ, которое продолжало оставаться въ силѣ и при раздѣльномъ пользованіи общимъ имуществомъ, въ данномъ случаѣ земельнымъ участкомъ, но скрѣплялась также общимъ податнымъ бременемъ, нававшимъ на товарищество, и взаимными обязанностями его членовъ ограждать интересы на судѣ, утверждаемыми иногда особымъ актомъ, „одинашмово записью“. Любопытно при этомъ, что сябры чаще всего встрѣчаются въ древнее время, въ области Приднѣпровской и Ильменской системы, тогда какъ складники извѣстны по болѣе позднимъ источникамъ преимущественно въ сѣверной Россіи ¹⁾. Если только подобнаго рода отношеніе не случайно вызвано слишкомъ скудными свѣдѣніями объ этихъ союзахъ то, при значительномъ сходствѣ ихъ между собою возможно было бы предполагать въ сябрахъ и складникахъ лишь двѣ разновидности или послѣдовательныя стадіи въ развитіи одного и того же явленія.

Такимъ образомъ, существованіе несвободныхъ состояній и первоначальный характеръ такихъ союзовъ, какъ сябринство и складство въ Новгородской области противорѣчитъ предположенію о господствѣ личнаго начала въ строѣ его жизни. Обобщеніе это понадобилось Никитскому для того, чтобы, опираясь на него, показать невозможность существованія общиннаго землепользованія съ передѣлами пашенныхъ участковъ. Намъ кажется достаточнымъ другое изъ доказательствъ, приводимыхъ авторомъ въ пользу этого мнѣнія. „Способъ расселенія земледѣльцевъ, по его словамъ, рѣшительно противорѣчитъ общинному владѣнію“ (стр. 44). И дѣйствительно, при разбросанности поселеній и сравнительномъ изобиліи земли, передѣлы становились излишними и были едва ли фактически возможными, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшій періодъ; впрочемъ, неосторожно было бы утверждать, при скудости нашихъ знаній, что они вовсе отсутствовали въ это время ¹⁾. Тѣмъ не менѣе Никитскій признаетъ существованіе крестьянской

¹⁾ Впрочемъ, сябринство въ Малороссіи пока извѣстно, главнымъ образомъ, по актамъ XVII в., на основаніи которыхъ и написана вышеприведенная работа г. Лучицкаго.

Временникъ М. О. Н. и Д., т. XVI, смѣсь, стр. 15: „Се купи игумень Василев оу Гаврили оу Малафѣевича землю на горѣ въ верхнемъ полѣ середняя полоса оу воротъ на круглицы четверть воцемъ поли подлѣ оулицю“ (XIV вѣкъ).

общины въ предѣлахъ волости (стр. 42) и не отрицаетъ общаго владѣнія всей волостью нѣкоторыми угодьями и лѣсомъ (стр. 43). Можно думать, что луга состояли иногда въ общемъ пользованіи. Игумень Лука, напримѣръ, и староста и вся братья купили въ (XV вѣкѣ) землю у Гаврилки Носова. „А межа той земли по Верхней ручей по поскотину общую“¹⁾. Встрѣчаются также указанія на земли, называемыя „вобчихами“²⁾. Права общины по владѣнію, пишетъ далѣе Никитскій, состояли не въ чемъ иномъ, какъ только въ простой раздачѣ пустыхъ участковъ крестьянамъ, желавшимъ ихъ занять“ (стр. 43). Это опредѣленіе одновременно и слишкомъ узко, и слишкомъ широко. Въ самомъ дѣлѣ, весьма вѣроятно, что община пользовалась вообще правами распоряженія своею землею (ея продажи и покупки новыхъ участковъ), изъ котораго естественно вытекало въ частности и право ея распредѣлять земельные участки между своими членами; ей принадлежало также право иска или защиты по земельнымъ дѣламъ. Едва ли, однако, власть общины можно характеризовать правомъ раздачи, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшее время³⁾; „тѣмъ же правомъ, замѣчаетъ Никитскій, пользовались иногда и сами крестьяне, хотя и не всей волости, а только нѣкоторой части ея“ (стр. 43). И дѣйствительно, при обиліи земли и захватномъ способѣ землепользованія (стр. 70), трудно предполагать, чтобы каждый „припускъ“ новой земли совершался лишь по разрѣшеніи общины: она, вѣроятно, далеко не всегда пользовалась этимъ правомъ. Такимъ образомъ, основной признакъ, будто бы характеризующій дѣятельность общины, выбранъ неудачно. Наконецъ, Никитскій останавливается на причинахъ выдѣленія участковъ, состоявшихъ на правахъ частной собственности, изъ общаго владѣнія. Последнее „продолжалось только до тѣхъ поръ, пока лѣсъ и вода не получали хозяйственнаго значенія не ставились источниками дохода“. Коль скоро же эти угодья получали „спеціальное хозяйственное значеніе, служили ареною особеннаго (sic) труда, то и они исключались изъ общаго владѣнія и поступали въ частныя руки, входили въ составъ сельскихъ участковъ“ (стр. 43). Въ этомъ опредѣленіи очевидно, смѣшиваются два разныхъ признака: личный и интенсив-

¹⁾ А. Ю., № 71, XXVII.

²⁾ А. Ю., стр. 433. Временникъ М. О. И. и Д., т. XVI, Смѣсь, стр. 16.

³⁾ Извѣстные намъ случаи относятся къ позднѣйшему времени; см. А. Ю., № 6.

ный трудъ, прилагаемый къ участку, и доходность этого участка. Первый дѣйствительно можно считать главнымъ моментомъ, опредѣляющимъ самый процессъ выдѣленія, второй играетъ второстепенное значеніе; смѣшеніе обоихъ, не уясняющее ихъ взаимоотношенія, лишаетъ и вышеприведенное опредѣленіе должной опредѣленности.

Недостаточно внимательное отношеніе Никитскаго къ важнѣйшимъ формамъ организаціи земледѣльческаго труда въ Новгородской области объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что авторъ главныя силы свои посвятилъ изученію обрабатывающей промышленности и торговли. Нельзя, однако, сказать, чтобы земледѣльческая культура не имѣла существеннаго значенія въ сельской жизни Новгородской области; лишь въ городахъ и столицѣ, по преимуществу, она уступала первое мѣсто промышленности и торговлѣ; несмотря на это, и „горожане въ значительной долѣ занимались также земледѣліемъ и только не многіе посвящали себя промысламъ“ (стр. 84), и торговлѣ.

Слабое развитіе обрабатывающей промышленности, въ древній періодъ новгородскаго хозяйства, вызвано было разнообразными причинами. Незначительность населенія, его разсѣянность, натуральное хозяйство и плохіе пути сообщенія—все это обстоятельства, конечно, не способствовавшія увеличенію спроса и предложенія. Отсутствие свободной конкуренціи, вѣроятно, вызвано было, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, и другими условіями социальнаго характера. „Значительныя дружины, замѣчаетъ Никитскій, находились въ распоряженіи новгородскаго владыки. Какъ показываютъ позднѣйшія извѣстія, плотницкая дружина (ремесленная артель) владыки состояла изъ 6 плотниковъ, то-есть, главныхъ мастеровъ и 10 дружинниковъ“ (стр. 84—85). Примѣру владыки слѣдовали и монастыри, крупные землевладѣльцы того времени; такъ напримѣръ, на Сванскомъ волочкѣ, купленномъ великимъ княземъ у Валаамскаго монастыря, въ 1495—1500 гг. оказалось 29 дворовъ рыбныхъ ловцовъ и 26 дворовъ рядовыхъ людей, въ рядкѣ Спасскаго Хутынскаго монастыря было въ XVI вѣкѣ до 52 дворовъ монастырскихъ слугъ *безнашестныхъ*, которые „ѣли и пили монастырское“¹⁾. Что дѣлали такіе слуги? вѣроятно, по примѣру слугъ другихъ монастырей (напримѣръ, Чудовскаго) занимались промыслами и торговлей.

¹⁾ Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, XII, стр. 1—7. А. Ильинскій, *Ibid.*, стр. 228, 240.

Возможно, что и капиталисты из мiрянъ держали съ такую же цѣлью значительное количество рабовъ. Въ 1484 г., напримѣръ, въ Литву бѣжалъ Иванъ Кузьминъ, новгородецъ, съ тридцатью слугами своими ¹⁾. Въ одной изъ новгородскихъ кабалъ XVI вѣка упоминается должникъ Федора Бутурлина Онисимка Савинъ, портной мастеръ ²⁾. Хотя явленія подобнаго рода могли наступить сравнительно поздно въ новгородской жизни, тѣмъ не менѣе они объясняютъ намъ, почему съ появленіемъ раздѣленія труда и денежнаго обращенія взамѣнъ натурального хозяйства спросъ на промышленные продукты, поставляемые на рынокъ, все еще былъ весьма незначителенъ, а свободная конкуренція оставалась на первыхъ ступеняхъ развитія. Въ эти условія промышленнаго производства заслуживали бы подробнаго научнаго анализа, котораго, однако, не даетъ Никитскій.

Первые зачатки раздѣленія промышленнаго труда, направленнаго на обработку сырыхъ продуктовъ, во второмъ періодѣ исторіи новгородскаго хозяйства указаны авторомъ. „Такъ, подлѣ овчинниковъ, пишеть онъ, занимавшихся въ селахъ выработкой овчинныхъ шкуръ и шерсти, мы встрѣчаемъ въ городахъ скорняковъ, не ограничивавшихся одной какой-нибудь статьей, а обрабатывавшихъ пушной товаръ, и кожевниковъ, выдѣлывавшихъ кожи. Въмѣсто домашней выдѣлки войлока, характеризующей сельскій бытъ, мы находимъ въ городахъ уже особыхъ мастеровъ, ткачей или дѣлателей опопъ, то-есть, завѣсъ, покрововъ, а также епанчей, суконниковъ и колпачниковъ“ (стр. 85). То же заключеніе не трудно вывести, сравнивая извѣстія о добычѣ желѣза на Пеноксѣ съ довольно ранними упоминаніями лѣтописи о гвоздочникахъ, котельникахъ и щитникахъ; „серебряникъ“ также встрѣчается довольно рано (1200 г.) ³⁾. Количественное соотношеніе различныхъ отраслей производства возможно было бы опредѣлять на основаніи данныхъ, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ; Никитскій довольствуется, однако, примѣрами, которые почерпаетъ изъ тѣхъ же книгъ, что, разумѣется, вовсе не можетъ замѣнить среднихъ величинъ, оставленныхъ безъ вниманія авторомъ. Но и выше намѣченные процессы развитія наблюдаются лишь относительно самыхъ

¹⁾ И. С. Р. Л., т. VI, стр. 236 (6992 г.).

²⁾ Записная книга крѣпостнымъ актѣмъ XV—XVI вѣковъ, явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Алябеву.

³⁾ А. Ю., № 71, III; Новгородская лѣтопись по синодальному списку, изд. 2-е, стр. 178, 204, 244.

элементарныхъ видовъ промышленнаго производства; болѣе сложныя его отрасли оставались почти недоступными новгородцамъ XIII и даже XIV вѣковъ: отливка въ 1342 г. колокола въ 100 пудовъ или „свинчатыхъ“ досокъ для покрытія храма Св. Троицы въ Псковѣ въ 1420 г. не могла быть выполнена новгородскими мастерами (стр. 86—87). Свидѣтельства этого рода, однако, можетъ быть, и не отличаются тою степенью доказательности, какую готовы признать за ними авторъ. Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, нѣсколько извѣстій о покрытіи церквей „свинцомъ“ подъ 1261, 1333, 1341, 1345 и 1408 гг. безъ какихъ либо замѣчаній объ иноземномъ происхожденіи матеріала или вывозѣ иностранныхъ мастеровъ для производства этихъ работъ¹⁾. Вообще свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ объ обрабатывающей промышленности, довольно скудны; они расширились бы, если бы Никитскій подвергъ болѣе внимательному анализу лѣтописныя извѣстія о постройкѣ разныхъ зданій, преимущественно церквей, и сопоставилъ бы ихъ съ памятниками древности, сохранившимися въ Новгородскомъ краѣ по настоящее время²⁾. Если „писца Грыцина Петровица“ „исписавшаго церковь на воротехъ“ въ 1196 г., пожалуй, слишкомъ смѣло было бы считать за русскаго, то во всякомъ случаѣ таковымъ уже можно признать Вячеслава, Малышева внука, украсившаго церковь 44 святыхъ въ Новгородѣ въ 1227 году³⁾. Сами Новгородцы гордились своими иконописцами; въ повѣсти о построеніи варяжской божницы въ Новгородѣ разказывается, между прочимъ, какъ Нѣмцы „свъръшиша ропату свою и наыша иконниковъ новгородскихъ и повелѣша имъ написати образъ Спасовъ на ропатномъ углу“⁴⁾. Произведенія этихъ „изографовъ“ преимущественно фрески, а не мозаики, до сихъ поръ украшаютъ стѣны новгородскихъ храмовъ; таковы, напримѣръ, фрески Софійскаго собора въ Новгородѣ, церкви Св. Георгія въ Старой Ладогѣ XII вѣка и многія другія; онѣ заслуживали бы подробнаго рассмотрѣнія съ точки зрѣнія промышленнаго производства Новгородцевъ, тѣмъ болѣе, что долгое время (еще въ XVII вѣкѣ) сохраняли слѣды новгородскихъ пріемовъ иконописи⁵⁾. На той же почвѣ,

¹⁾ Новгородская лѣтопись по синодальному списку, изд. 2-е, стр. 281, 380, 340, 345, 396.

²⁾ Памятники старо-русской литературы, вып. IV, стр. 20.

³⁾ Новгородская лѣтопись по синодальному списку, стр. 172 и 224.

⁴⁾ Памятники старинной русской литературы, вып. I, стр. 252.

⁵⁾ *Н. Покровский*, Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ, въ Трудахъ II археологическаго съѣзда, т. I, (М. 1890), стр. 183—202.

вѣроятно, зародилось и серебрянныхъ дѣлъ мастерство, развившееся въ Новгородѣ за послѣдній періодъ его самостоятельнаго существованія ¹⁾).

На развитіи промышленнаго производства въ третьемъ періодѣ исторіи новгородскаго хозяйства Никитскій почти вовсе не останавливается; авторъ указываетъ только на усиленіе раздѣленія труда, сказавшееся въ землевладѣльческихъ хозяйствахъ, слѣдовательно въ предѣлахъ одного и того же поселенія, и обращаетъ вниманіе на значительное развитіе одной изъ отраслей обрабатывающей промышленности: производства серебряныхъ издѣлій. „Новгородцы въ концѣ своего (самостоятельнаго) существованія снискали себѣ славу хорошихъ серебряныхъ мастеровъ, безъ пособія которыхъ обойтись было трудно“ (стр. 198—199). Между тѣмъ писцовыя книги конца XV вѣка указываютъ на цѣлый рядъ отраслей промышленности, количественно не опредѣленныхъ авторомъ.

Развитіе промышленной дѣятельности порождало и особыя формы кооперации. Никитскій указываетъ, повидимому, на два типа ея, хотя точно и не опредѣляетъ присутія имъ особенности. Къ одному изъ нихъ онъ причисляетъ уже извѣстныя намъ товарищества сябровъ. Сябрами иногда назывались совладѣльцы тоней, ассоціаціи рыболововъ ²⁾. Никитскій не обращаетъ на нихъ вниманія; между тѣмъ, это можетъ быть, древнѣйшія изъ промышленныхъ товариществъ; справедливо было замѣчено, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего далекаго сѣвера, гдѣ рыбныя промыслы замѣняютъ собою земледѣліе, гдѣ море замѣняетъ поле, гдѣ промысловая община заступаетъ мѣсто земледѣльческой ³⁾, подобнаго рода артели должны были имѣть весьма важное значеніе. Въ позднѣйшее время каждая изъ нихъ получала участокъ на мѣстѣ улова по жребію; этими участками артели, въ совокупности составлявшія міръ, пользовались поочередно для того, чтобы уловъ равномернѣе распредѣлялся между всѣми членами міра. Никитскій имѣетъ въ виду лишь тѣхъ сябровъ, которые, какъ члены товарищества, пользовались извѣстною долею въ устроенныхъ сообща соляныхъ варницахъ; „доли эти иногда опредѣлялись частями, сугребами, а иногда ночами; устроители варницы располагали на правахъ собственности каждый своей долей, продавали ихъ и передавали ихъ во владѣніе другихъ“ ⁴⁾).

¹⁾ Н. Аристовъ, Промышленность древней Руси, С.-Иб., 1866 г., стр. 121.

²⁾ А. Ю., № 71, V.

³⁾ И. Дитятинъ, Устройство и управленіе городовъ въ Россіи, т. I, стр. 285, пр.

⁴⁾ А. Ю., №№ 130, 131 и 132.

Замѣтимъ при этомъ, что вмѣсто термина „артель“ до XVII вѣка говорили „ватага или складчина“¹⁾, что естественно напоминаетъ намъ уже ранѣе характеризованныхъ складчиковъ и въ новой области отношеній обнаруживаетъ сходство ихъ съ сябрями.

Еще ближе къ типу артели (въ смыслѣ *societatis organum*) подходили тѣ товарищества волховскихъ лодчановъ и носильщиковъ, которыя, повидному, для отправления работъ не требовали капитала, хотя и имѣли свою организацію (старость) (стр. 146).

Никитскій намекаетъ, однако, на существованіе какихъ то другихъ организацій, извѣстныхъ подъ наименованіемъ дружинъ. „Въ Великомъ Новгородѣ, пишетъ нашъ авторъ, связь между ремесленниками устанавливалась на томъ же основаніи, на какомъ она получала свое начало въ другихъ сферахъ жизни. Какъ около каждаго знатнаго человѣка собиралась дружина, такъ та же дружина была формой связи и въ промышленной жизни. Дружина состояла обыкновенно изъ главнаго мастера, хозяина и его „друзговъ“, „дружинниковъ“ или „рядовыхъ рабочихъ“ (стр. 84). На существованіе дружин плотниковъ, сокольниковъ, каменщиковъ или кузнецовъ и иконниковъ мы дѣйствительно встрѣчаемъ указанія. Трудно предположить, однако, чтобы главный мастеръ набиралъ своихъ товарищей такъ, какъ напримѣръ, дѣлалъ это Василій Буслаевъ съ дружинниками. Судя по выраженіямъ, въ какихъ Никитскій описываетъ эти союзы, можно думать, что авторъ видѣлъ въ нихъ не дружины въ настоящемъ смыслѣ, а чуть ли не договоры найма: главный мастеръ, хозяинъ или подрядчикъ содержалъ рядовыхъ рабочихъ на свои средства или выдавалъ имъ жалованье. Но и въ артеляхъ избирались старосты; сами источники, наконецъ, не говорятъ, о „главномъ мастерѣ, хозяинѣ“ и о „рядовыхъ рабочихъ“, а упоминаютъ обыкновенно одно или даже нѣсколько лицъ по именамъ, прибавляя „и съ други“. Въ одномъ случаѣ встрѣчаются указанія на четырехъ старѣйшихъ начальниковъ-иконниковъ и „протчихъ, дружину ихъ“; всѣ дружинники получали обыкновенно поровну²⁾. Пока на однихъ этихъ основаніяхъ трудно придти къ какимъ-либо опредѣленнымъ выводамъ о внутренней организаціи подобныхъ союзовъ въ древнѣйшее время.

¹⁾ А. Ефименко, Артели Архангельской губерціи, въ Сборникѣ матеріаловъ объ артеляхъ, вып. II, стр. 136—146.

²⁾ И. Куріиловъ, Отрывки изъ расходныхъ книгъ Софійскаго дома въ Извѣстіяхъ Имп. Археол. Общ., т. III, стб. 41, 42 и 43.

Ассоціація въ родѣ вышеописанныхъ, вѣроятно, складывались, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій природы, борьба съ которыми была не по силамъ одному человѣку и въ виду непри-
вычки къ самостоятельному личному труду; но полное сознаніе вы-
годъ коопераціи и стремленіе къ крупному производству едва ли въ
значительной мѣрѣ содѣйствовали образованію такихъ союзовъ. Этимъ
соображеніемъ объясняется, можетъ быть, и отсутствіе болѣе слож-
ныхъ формъ организаціи промышленнаго труда въ Новгородской
области до XVI вѣка.

3. Торговля.

Обмѣнъ, наступающій при раздѣленіи занятій, порождаетъ развитіе
мѣновыхъ цѣнностей; наиболѣе общепользная, а слѣдовательно и обще-
признанная изъ нихъ становится орудіемъ мѣны и получаетъ значеніе
денегъ, если только пригодна для обращенія. Такою цѣнностью въ Нов-
городѣ первоначально служилъ можетъ быть скотъ¹⁾, на что Никит-
скій слишкомъ мало обратилъ вниманія; затѣмъ появились кунны. А. И.
Никитскій признаетъ за ними значеніе мѣховъ, а не какихъ либо „метал-
лическихъ цѣнностей“²⁾. И Никитскій имѣлъ на это свои основанія.
Куньи мордки ходили на Новгородскомъ рынкѣ въ XIII—XIV сто-
лѣтіяхъ; князья взимали „на старыхъ мытѣхъ“ пошлины съ Новго-
родцевъ въ размѣрѣ мордки *объушной* съ воза³⁾, Нѣмцы такъ же опла-
чивали услуги лоцмановъ при проѣздѣ по Волхову⁴⁾. Новгородская
лѣтопись подъ 1410 годомъ сообщаетъ, что Новгородцы „куны от-
ложиша, еже есть мордки куньи“; Ланнуа, наконецъ, также расска-
зываетъ въ своемъ путешествіи, что у новгородцевъ въ употребленіи
„*menue monnoye de têtes de gris et de martres*“⁵⁾. Никитскій
присоединяетъ къ этимъ доказательствамъ еще одно соображеніе, не-
лишенное значенія. „Затѣмъ; пишетъ нашъ авторъ, нельзя не замѣ-

¹⁾ Лѣтопись по Лавр. сп., стр. 140. *Н. Аристовъ*, *Op. cit.*, стр. 40—41.

²⁾ *Гр. И. Толстой*, *Монеты Псковскія*, С.-Пб. 1886 г., стр. 11—13.

³⁾ Тексты подобраны въ соч. *Н. Аристова*, стр. 223, 225. Въ договорѣ, за-
ключенномъ между Полоцкомъ и Ригю около 1330 г., между прочимъ уравнины:
заушия и *поль-овря*.

⁴⁾ *F. Bunge*, U. B., I, 519: „*Hiidem vectores cum ad tabernam pervenerint
piscatorum, recipiant prutium suum, videlicet quilibet vectorum 8 capita marta-
rorum et unum par mararum, 8 capita martarorum*“ (1269).

⁵⁾ *G. de Lannoy*, *Op. cit.*, p. 33.

тять, что новыя куны выдавались въ Новгородъ изъ Онеги. Фактъ этотъ останется совершенно непонятнымъ, доколѣ мы будемъ смотрѣть на куны какъ на металлическія деньги; откуда въ самомъ дѣлѣ бралось серебро на Онегѣ и почему тамъ производилась чеканка новой монеты? Но при предположеніи, что куны были денежнымъ суррогатомъ, выдача ихъ съ Онеги становится совершенно ясною: Онега была центромъ движенія мѣховъ, а потому естественно, что оттуда выдавались и мѣховыя деньги" (стр. 101). Соображеніе это получаетъ тѣмъ большее значеніе, что въ могилахъ южнаго Приладожья, серебра оказалось очень мало, а золота не было вовсе¹⁾. Замѣтимъ при этомъ, что можно, кажется, подыскать случаи, когда выраженія куницы и куны употребляются какъ синонимы. Судя, напримѣръ, по одной изъ Новгородскихъ купчихъ, XIV—XV вѣковъ, игуменъ Лука, староста и вси братья купили землю по Левковѣ курьѣ у Гаврилка Носова „по отца своего купли, ... а то сверхъ—по кунамъ; а дали на той половинѣ села семь рублевъ, а по сту бѣлки за рубль; а оприць того семдесятъ бѣлки на хлѣбѣ, а куница съ шерстью по полнка за овцу"²⁾. Такимъ образомъ, въ прибавку къ прежней цѣнѣ „сверхъ по кунамъ" покупателями дано было 70 бѣлокъ за хлѣбъ и куница за овцу. Примѣры употребленія словъ: куны и бѣлки также встрѣчается въ актахъ этого рода³⁾. Терминъ „куны", конечно, имѣлъ и болѣе широкое значеніе денегъ вообще, въ томъ числѣ и металлическихъ, какъ это видно, напримѣръ, по рукописанію князя Всеволода⁴⁾.

Гораздо менѣе опредѣленный отвѣтъ дать Никитскій на во-

¹⁾ Н. Бранденбургъ, Курганы южнаго Приладожья въ „Матеріалахъ по археологій Россіи", № 18, С.-Пб. 1895, стр. 25. Судя по монетамъ большинство этихъ кургановъ принадлежатъ еще ко времени новгородской вольности; но и въ противномъ случаѣ считая нѣкоторые изъ нихъ позднѣйшими, приводимый фактъ не теряетъ своего значенія.

²⁾ А. Ю., № 71, XXVII. Въ памятникахъ не новгородскаго происхожденія встрѣчаются такіе же примѣры. Проповѣдникъ XII вѣка, обличая богача своего времени, говоритъ между прочимъ: „ты облачнмися и ходиши въ паволоцѣ и съ кунамъ, а убогый руба не имать на талеси" (Извѣстія Академіи Наукъ, X, 550). Итвяги въ 1279 г. обратились къ Владиміру съ слѣдующею просьбою: „Не помори насъ..., пошли къ намъ жито свое продавать, а мы ради купимъ; чего восочешъ—воску ли, бобровъ ли, черныахъ ли кунъ, бѣли-ль, серебра ли, мы рады дами" (Лѣтопись по Нпатовскому списку, стр. 580).

³⁾ А. Ю., № 71, X. А. от. до Ю. Б., т. II, № 126, I.

⁴⁾ Новгородская лѣтопись по синод. списку, стр. 489.

прось объ отношеніи, въ какомъ паходилась дѣйствительная (рыночная) стоимость кунъ къ нарицательной. „Куны, по мнѣнію Никитскаго, были не денежными знаками, а донезными суррогатами. Онѣ не были простыми лоскутками кожи, а настоящими мѣхами, имѣвшими свою рыночную цѣнность“ (стр. 101). Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько строкъ, авторъ считаетъ, „мнѣніе о томъ, что куны были не цѣльные мѣха, а ихъ обрѣзки, не лишеннымъ справедливости“; еще ниже онъ готовъ сознаться, что пожалуй придется остановиться и на куныхъ мордкахъ, какъ на подобнаго рода отрѣзкахъ (стр. 101—102). При такихъ условіяхъ нельзя же и куны считать „настоящими мѣхами, имѣвшими свою рыночную цѣнность“. Приравненіе куны къ рѣзанѣ въ Русской правдѣ ($2\frac{1}{2}$, куны или рѣзаны составляли 20 ногатъ) и вышеприведенное свидѣтельство Лануа также говоритъ скорѣе въ пользу нарицательной стоимости кунъ, что естественно при томъ значеніи мелкой размѣнной, легко обезцѣнивающейся монеты, какую играли куны на новгородскомъ рынкѣ.

Внимательно останавливаясь на изученіи системы кунъ, г. Никитскій указываетъ на любопытное паденіе курса на нихъ въ XIII столѣтіи,—почти вдвое). Стр. 103—104).

Предположеніе это построено на довольно шаткихъ основаніяхъ. Въ 1230 г., рассуждаетъ Никитскій, кадь ржи въ Новгородѣ стоила 20 гривенъ, а отдѣльный хлѣбъ—8 кунъ. Впоследствии цѣна хлѣба еще увеличилась: кадь ржи возрасла до 4 гривенъ серебра, то-есть 30 гривенъ. Имѣя въ виду это возрастаніе цѣны кади ржи съ 20 на 30 гривенъ кунъ, мы должны были-бы ожидать, что и цѣна хлѣба возрастетъ въ той же пропорціи 20:30, то-есть увеличится до 12 кунъ; между тѣмъ цѣна отдѣльных хлѣбовъ опредѣляется въ полугривну кунъ. Отсюда неизбѣжно должно заключить, что полугривна кунъ въ Новгородѣ содержала въ себѣ 12 кунъ¹⁾. Необходимо указать на то, что переводъ 4 гривенъ серебра на 30 гривенъ кунъ принадлежитъ не лѣтописцу, а Никитскому, который для опредѣленія этого соотношенія опирается на тотъ же 1230 г. въ двухъ спискахъ, причемъ въ одномъ говорится о покупкѣ хлѣба за гривну, въ другомъ о стоимости такого же хлѣба въ 7 съ лишкомъ кунъ. Авторъ, какъ видно, доврчиво пользуется текстомъ первой

¹⁾ Аргументація г. Никитскаго въ данномъ случаѣ нѣсколько отклоняется отъ изложенія Д. Прозоровскаго: Монета и вѣсъ въ Россіи въ Запискахъ Археологическаго Общества, т. XII, стр. 512—514.

Новгородской лѣтописи по харатейному списку въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о цѣнѣ хлѣба въ гривну (стр. 105). Между тѣмъ, въ дальнѣйшемъ своемъ переложени лѣтописнаго разказа Никитскій почему то замѣняетъ это извѣстіе другимъ изъ списковъ Археографической комиссіи и Толстовскаго о томъ, что хлѣбъ стоилъ полу-гривну; изъ харатейнаго списка Новгородской лѣтописи, по которой ведется весь остальной разказъ безъ всякой мотивировки, опускается фраза: „купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и побольшю“, несогласная съ предположеніями Никитскаго. Далѣе авторъ полагаетъ, что цѣны на зерновой хлѣбъ и цѣны на отдѣльные хлѣбы должны были возрастать въ одинаковой прогрессіи, такъ что-бы возможно было установить пропорцію: $20 : 30 = 8 : 12$; весьма вѣроятно, однако, что цѣны на товаръ, продаваемый въ розницу, возрастали быстрѣе цѣнъ на зерновой хлѣбъ. Никто не можетъ поручиться и за то, что мука въ теченіе этого времени не подверглась фальсификаціи, а хлѣбъ не потерялъ прежняго вѣса. При такихъ условіяхъ вывести вышеприведенную пропорцію окажется невозможнымъ или сама пропорція будетъ въ сущности мнимою. Такимъ образомъ, первое изъ доказательствъ, приводимыхъ Никитскимъ въ пользу паденія курса на гривну кунъ съ 50 на 24, едва ли можно считать прочно установленнымъ. Остальные два впускаютъ нѣсколько болѣе довѣрія. Если въ XII вѣкѣ за 5 сорокоустовъ платили гривну кунъ, а за одинъ изъ нихъ по 6 кунъ, то гривна кунъ должна была приблизительно равняться $5 \cdot 6 = 30$. Но дальнѣйшія предположенія Никитскаго о существованіи уступки съ каждаго сорокоуста по 1 кунѣ, такъ что на 5 сорокоустовъ могло быть сдѣлано уступки до 5 кунъ и, слѣдовательно, гривна кунъ равна была 25 кунамъ, кажутся намъ довольно натянутыми. Выводъ этотъ понадобился Никитскому для того, чтобы имъ подтвердить предшествующій, по которому 1 гривна = 24 кунамъ. Не говоря о томъ, что сорокоусты, не были настоящимъ товаромъ и могли не подчиняться обычнымъ условіямъ рынка, слѣдовало бы доказать, что въ силу этихъ условій продавцу выгодно было дѣлать уступку покупателю въ 17% на товаръ, вся стоимость котораго въ сущности была довольно незначительна. Возьмемъ, наконецъ, третье доказательство Никитскаго; судя по договору 1269 г., за провозъ товара съ берега Волхова на нѣмецкій дворъ брали 15 кунъ, а съ вывоза его изъ этого двора—полугривну кунъ; на этомъ основаніи Никитскій считаетъ возможнымъ утверждать, что полугривна кунъ равна была 15 кунамъ. Въ основѣ этого дока-

зательства лежит сомнительное предположение автора о томъ, что привозъ и вывозъ товаровъ облагались одинаковою пошлиною. Такимъ образомъ, извѣстия о цѣнѣ сорокоустовъ и плата за провозъ товаровъ (если только считать послѣднее достаточно вѣроятнымъ) скорѣе указываютъ на гривну кунъ размѣромъ въ 30 кунъ; но и этотъ выводъ, давно уже высказанный, ожидаетъ провѣрки¹⁾.

Въ заключеніе отдѣла, посвященнаго изученію системы кунъ, г. Никитскій пытается опредѣлить отношеніе единицъ этой системы къ серебру: $7\frac{1}{2}$ гривенъ кунъ, по мнѣнію автора, составляли гривну серебра, равную одному новгородскому рублю въ 216 денегъ или 432 московскимъ деньгамъ (стр. 104 — 105). Этотъ выводъ Никитскій не примиряетъ съ другимъ извѣстіемъ (смоленскимъ) о томъ, что „за гривну серебра (братъ) по 4 гривны кунами“²⁾; между тѣмъ возможно, что съ переменою курса на гривну серебра стало приходиться до $7\frac{1}{2}$ старыхъ кунъ.

Любопытно также сопоставить паденіе курса на куны съ зачатками металлическаго обращенія, проявляющимися уже во второмъ періодѣ исторіи Новгородскаго хозяйства, что не сдѣлано Никитскимъ. Въ мирной грамотѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами конца XII вѣка ясно различаются старыя куны отъ гривенъ серебра, при чемъ первыми выплачиваются мелкія пени, а послѣднія употребляются лишь для уплаты пеней за самыя крупныя преступленія, напримѣръ убійство. Въ договорѣ 1229 г. (смоленскомъ) гривны серебра употребляются гораздо чаще и для уплаты пеней по маловажнымъ преступленіямъ; приэтомъ въ одномъ изъ списковъ этого договора (Д), составленномъ вѣроятно вскорѣ послѣ 1229 г., точно установлено и отношеніе новыхъ единицъ къ „старымъ“³⁾. Около того же времени начинаютъ встрѣчаться первыя указанія на взиманіе поборовъ съ Новгородцевъ серебромъ. Въ 1209 году посадникъ Дмитръ съ братіею „новѣлѣша на Новгородскихъ сребро имати, а по волости куры (куны?) брати“⁴⁾.

Въ 1307 г. Новгородцы, давашіе куны Борису Константиновичу, просили князя Михаила Ярославича, чтобы онъ не велѣлъ ему „нынѣ серебро емать“; черезъ десять лѣтъ тотъ же князь Михаилъ обязывался возвратить „за куны“ села взятыя княземъ „въ замѣтню“

¹⁾ Д. Прозоровскій, *Ibid.*, стр. 512—514.

²⁾ Русско-Ливонскіе акты, изданіе Археологической комиссіи. С.-Иб. 1868 г., стр. 423.

³⁾ *Ibid.*, стр. 415 и 423.

⁴⁾ Новгородская лѣтопись по синод. списку, стр. 191.

и обложилъ Новгородцевъ контрибуціей въ 12000 гривенъ серебра¹⁾. Курсъ этого послѣдняго сталъ повидимому устанавливаться и заграничью. Подъ 1290 г. напримѣръ въ долговой книгѣ города Риги записано: „Jacobus de Bremis tenetur domino Iohanni Dovinch XXIII mrc. Novgardensis arg., per libram Novgardensem, Mychaelis solvet.; или подъ 1309 г.: Conradus Proxse tenetur Henrico Wisen XL mrc. et V fert. Nogardensis arg., carnisprivio solvet“. Такимъ образомъ, сдѣлки на новгородское серебро практиковались за границей въ XIII вѣкѣ и колебанія его курса, очевидно, не внушали слишкомъ большихъ опасеній, разъ самыя сдѣлки заключались въ кредитъ²⁾. Гривна серебра ходила въ Новгородѣ и въ началѣ XV столѣтія. Лануа, бывший здѣсь вскорѣ послѣ введенія новой монетной системы 1410 года, тѣмъ не менѣе засталъ въ обращеніи на новгородскомъ рынкѣ слитки серебра вѣсомъ въ 6 унцій³⁾. Слѣдовательно, невозможно говорить о „натуральномъ хозяйствѣ“ Новгорода въ XIII вѣкѣ безъ ограниченій, которыхъ не дѣлаеть, однако, Никитскій.

Нельзя не похвалить на автора также за то, что онъ не собралъ и не сопоставилъ цѣнъ на предметы первой необходимости, выраженныхъ „кунами“. Къ сожалѣнію въ лѣтописи точно не указано, въ какихъ единицахъ означены цѣны на такіе предметы; хлѣбъ оцѣнивается обыкновенно на гривны, должно быть, гривны кунъ, а не серебра. Послѣднія едва ли вошли во всеобщее обращеніе во второй третей XIII вѣка, да и размѣры цѣнъ вышли бы громадными, если бы мы подъ гривнами разумѣли серебро: въ 1230 году, напримѣръ, кады пшеницы продавали за 40 гривенъ; если въ данномъ случаѣ разумѣть гривны серебра, то въ переводѣ на нашъ курсъ одна четверть стоила бы по меньшей мѣрѣ рублей 200. Слѣдовательно, цѣны, выставленныя, хотя бы напримѣръ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ, поды 1127, 1137, 1170, 1214, 1215, 1228, 1230 годами даютъ понятіе о покупательной силѣ гривны кунъ; случаи когда 1 кунница „съ шерстью“ приравнивается овцѣ, также поучительны. Подобнаго рода сопоставленія, можетъ быть, и не привели бы г. Никитскаго къ точному опредѣленію мѣшовой стоимости гривны кунъ, но придали бы этой цѣнности болѣе реальное значеніе, и позволили

¹⁾ С. Г. Г. и Д., ч. I, №№ 11 и 12.

²⁾ Das Rigische Schuldbuch, herausgeg. v. D. H. Hildebrand, №№ 212 und 610.

³⁾ G. de Lanou, Op. cit., p. 38: Et est leur monnaie de keucelles (= lingots примѣч. жадат.) d'argent pesans environ six onces sans empreinte, car point ne forgent de monnaie d'or.

бы её на этой почвѣ сопоставить съ нѣкоторыми другими данными, каковы любопытныя замѣтки въ Русской правдѣ о цѣнахъ на скоть, также выраженныхъ въ единицахъ кунной системы.

Послѣдній періодъ въ исторіи денежнаго обращенія въ Новгородѣ Никитскій начинаетъ съ описанія извѣстныхъ реформъ 1410 года. Причинъ, вызвавшихъ введеніе чеканныхъ металлическихъ денегъ на новгородскій рынокъ, авторъ вовсе не касается, несмотря на то, что позднее появленіе монеты въ Новгородѣ, казалось бы, требовало объясненія, что и принялъ во вниманіе другой изслѣдователь вопроса ¹⁾). Рижская система, цѣликомъ заимствованная Новгородцами, вскорѣ смѣнилась болѣе самостоятельной, новгородскою и псковскою въ 1424 или 1425 году ²⁾). „Но, кажется, замѣчаетъ Никитскій, новая собственная новгородская и псковская монета, замѣнившая пфенниги, не осталась безъ нѣкотораго воздѣйствія со стороны нѣмецкой жизни. На это указываютъ два обстоятельства. Съ одной стороны новая псковская монета дѣлалась домашними мастерами изъ чистаго серебра, а это, какъ мы уже показали, замѣчается и при преобразованіяхъ нѣмецкихъ денегъ. Съ другой—новая сѣверо-западная русская монета, новгородская и псковская, представляла въ XV столѣтіи нѣкоторыя отличія отъ юго-восточной, московской, обстоятельство всего удобнѣе могущее быть объясненнымъ тѣмъ соображеніемъ, что при выдѣлкѣ новгородской монеты не осталось безъ вліянія предшествующее знакомство съ нѣмецкими деньгами“ (стр. 185). Если бы пришлось намъ довольствоваться доказательствами, приводимыми Никитскимъ, то и общее его положеніе о нѣмецкомъ вліяніи на чеканъ новгородскій подлежало бы значительному сомнѣнію. Въмѣсто апріорныхъ соображеній автора всего лучше обратиться къ нумизматическимъ наблюденіямъ. Лицевая сторона новгородокъ представляетъ очень мало сходнаго съ извѣстными доселѣ типами западно-европейскаго чекана; поэтому „пока не посчастливится кому нибудь открыть оригиналы новгородокъ, слѣдуетъ считать новгородскій типъ оригинальнымъ“ ³⁾).

¹⁾ Гр. И. Толстой, Монеты новгородскія, Сиб. 1884 г., стр. 16.

²⁾ Гр. И. Толстой, Монеты псковскія, стр. 18. Авторъ на основаніи надписи на печати о сооруженіи персей кромскихъ готовъ признаетъ не 1424, а 1425 годъ какъ время введенія денегъ новаго чекана.

³⁾ Гр. И. Толстой, Монеты новгородскія; стр. 22. Рейхель находилъ сходство между новгородскими деньгами 1478 г. и богемскими монетами, чеканенными при Владиславѣ I (1140—1175 гг.) (*J. Reichel, Beiträge zur Russischen Münzkunde, S.-Pt., 1847, I, s. 13*). Мнѣніе это, однако, подлежитъ сомнѣнію.

Наоборотъ, изображеніе головы князя, представленной на псковскихъ монетахъ, можно считать копіей съ изображенія епископа на монетахъ дерптскихъ, въ частности на шмаллингахъ Генриха и Дидриха III Резлера, а также на артугахъ того же Дидриха III, занимавшаго епископскую кафедру съ 1413 по 1443 годъ; любопытно при этомъ, что въ числѣ буквъ, находящихся на штемпеляхъ разрядовъ перваго типа псковскихъ денегъ, встрѣчается готическое *p* и латинское *s*, что также свидѣтельствуетъ о нѣмецкомъ влияніи ¹⁾). Такимъ образомъ, одинъ изъ выводовъ Никитскаго оказывается (по крайней мѣрѣ теперь) несостоятельнымъ съ нумизматической точки зрѣнія, въ данномъ случаѣ вполне пригодной, другой, напротивъ, возможно было бы поставить автору на гораздо болѣе прочныхъ основаніяхъ при помощи того же матеріала.

Указывая далѣе на отношеніе новаго новгородскаго рубля къ московскому, отъ котораго онъ отличался не только счетно, но и вещественно (1 новгородскій рубль=216 повгородскимъ деньгамъ=432 московскимъ деньгамъ), и обращая вниманіе на то, что новгородскія деньги послѣ перечекашки 1447 года „прочно установились“ (стр. 186 — 190), Никитскій и здѣсь минуетъ совершенно капитальный вопросъ о стоимости новгородскаго рубля; между тѣмъ выводъ о томъ, что „московскій рубль конца XV вѣка по хлѣбнымъ цѣнамъ Вотской пятины равнялся 130 нынѣшнимъ“ ²⁾, нуждается въ провѣркѣ, которая была бы всего болѣе уместна въ сочиненіи, посвященномъ исторіи древне-новгородскаго хозяйства.

Вопросъ о развитіи кредита, столь облегчающаго обращеніе богатствъ, также остался почти не затронутымъ Никитскимъ. Въ XII вѣкѣ монастыри и церкви уже получали значеніе банковъ не только въ городахъ, но и въ уѣздахъ ³⁾. Новгородскіе капиталисты изъ мирянъ также открывали кредитъ: при разграбленіи двора Дмитра Мирокшинича въ 1209 году, Новгородцы разобрали по рукамъ наличныя богатства бывшаго посадника „и даша дѣцкы Дмитровы Святославу: а баше на нихъ бещисла“. О томъ же свидѣтельствуетъ и извѣстный расказъ о посадникѣ Щилѣ ⁴⁾. Несмотря на неоднократ-

¹⁾ Die Reichelsche Münzsammlung in St.-Petersburg, I-er Theil, S.-Pt., 1842, v. 358, №№ 4282—4304. Гр. И. Толстой, Монеты псковскія, стр. 14 и 23.

²⁾ В. Ключевскій, Русскій рубль XVI—XVIII вѣковъ въ его отношеніи къ нынѣшнему. М., 1883, стр. 28.

³⁾ А. Ю., № 409, VI. Дов. къ А. Н., т. I, № 3.

⁴⁾ Новгородская лѣтопись по Синод. списку, стр. 191. Памятники старинной русской литературы, ч. I, стр. 19—27.

ныя запрещенія со стороны нѣмецкой конторы нѣмецкимъ купцамъ торговать въ долгъ съ русскими „кредитъ нерѣдко оказывался, причѣмъ и уплата по нему слѣдовала также въ товарахъ“ (стр. 140—141, 153). Ростъ, по мнѣнію А. И. Никитскаго, по крайней мѣрѣ въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ землевладѣльцами, простирался ни болѣе ни менѣе, какъ до 6—7% (стр. 64). Самъ авторъ, однако, приводитъ примѣры, когда ростъ доходилъ до 10,3% (стр. 65, прим. 1); судя по даннымъ рижской долговой книги по торговымъ дѣламъ къ концу XIII вѣка брали $19^{13/16}$ — $22^{2/3}$ %, а въ первой половинѣ XIV (до 1338 года), изрѣдка 5—7, всего же чаще 7 и 8 съ небольшимъ ($7^{1/7}$ и $8^{1/8}$), въ одномъ же случаѣ $12^{1/2}$ %¹⁾. Кредитныя сдѣлки и первые зачатки вексельнаго права, конечно, всего легче было бы изучать по записямъ рижской книги 1286—1352 годовъ; здѣсь упомянуто до 61 русскихъ гостей, вступавшихъ въ долговныя обязательства съ нѣмецкими купцами, на болѣе или менѣе продолжительныя сроки.

Отъ орудій мѣны перейдемъ къ этой послѣдней. Такъ какъ о внутренней торговлѣ древнѣйшаго времени въ предѣлахъ новгородской области мы почти никакихъ точныхъ извѣстій не имѣемъ, да и развитіе ея было, вѣроятно, крайне незначительнымъ, то и приходится сосредоточить вниманіе на внѣшнемъ обмѣнѣ, установившемся между Новгородомъ и ближайшими сосѣдями, какъ это сдѣлалъ Никитскій²⁾. Общія причины, повліявшія на зарожденіе подобнаго рода торговли, довольно случайно указаны авторомъ. Скудная природа не удовлетворяла, конечно, всѣмъ насущнымъ потребностямъ Новгородцевъ и принуждала ихъ искать новыя хозяйственныя средства въ обмѣнѣ. Рыболовство могло подготовить Новгородцевъ къ торговой дѣятельности (стр. 14), еще важнѣе были политическія связи Повгорода съ Югомъ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшій періодъ, и сношенія Норманновъ съ востокомъ Европы (стр. 25). Сомнительно, однако, чтобы этимъ сношеніямъ содѣйствовало особенно сильно водвореніе христіанства въ Скандинавскихъ земляхъ (ibid.).

Описывая довольно подробно торговлю Новгородцевъ съ европейскими купцами, Никитскій почему то совершенно опускаетъ изъ

¹⁾ Das Rigische Schuldbuch etc., s. XXX.

²⁾ Впрочемъ, и по этому вопросу авторъ могъ бы подобрать нѣсколько извѣстій. Въ 992 году, напримѣръ, Шидбляминъ везъ въ Новгородъ свои издѣлія (горьцы) на продажу. (*И. Аристовъ*, *Op. cit.*, стр. 110).

виду мѣновую торговлю Новгорода съ Югрою и Самоядью, къ которымъ „ходили“ уже задолго до 1096 года „мужи старіи“, и его торговныя сношенія съ Смоленскою областью и Поволожьемъ, несмотря на то, что приписываетъ связямъ Новгорода съ Востокомъ особенно важное значеніе (стр. 24). Суда новгородскихъ купцовъ, какъ свидѣтельствуешь Константинъ Вагрянородный, проѣзжали мимо Смоленска по великому водному пути „изъ Варягъ въ Греки“, известному и нашему лѣтописцу ¹⁾. Смольняне вмѣстѣ съ Новгородцами участвовали въ однихъ и тѣхъ же походахъ; князья Смоленскіе имѣли большое значеніе въ Новгородѣ во второй половинѣ XII вѣка ²⁾. При такихъ условіяхъ трудно предполагать, чтобы между Новгородомъ и Смоленскомъ не завязалось бы какихъ нибудь торговыхъ сношеній, тѣмъ болѣе, что Смоленская земля обладала нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ продуктовъ новгородской торговли: медъ, напримѣръ, добывался здѣсь въ значительномъ количествѣ ³⁾, слѣдовательно и въ воскѣ недостатка не было. Между тѣмъ въ грамотѣ князя Всеволода церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, уже упоминается объ особой пошлинѣ, которая взималась „отъ берковскаго отъ वोцаго у гостя и Полочкого и Смоленскаго“ ⁴⁾.

На торговлю Новгорода съ Поволожьемъ, если не съ дальнимъ Востокомъ, указываютъ клады восточныхъ монетъ, не разъ попадавшіеся въ области Волги и въ предѣлахъ земли Новгородской; почти ежегодныя находки увеличиваютъ и безъ того уже значительное собраніе такихъ монетъ; карту монетныхъ кладовъ, составленную лѣтъ сорокъ тому назадъ, теперь можно было бы во многихъ отношеніяхъ пополнить ⁵⁾. Недавно найдено, напримѣръ, въ Новгородскомъ уѣздѣ два куфическихъ диргема аббасидскаго калифата и серебряная друзязичная пеглевійско-арабская монета Табаристанскаго испегбеда Саида, относящіеся къ концу VIII и началу IX вѣковъ ⁶⁾. Такія же открытія сдѣланы въ Петербургской губерніи (монетъ сас-

¹⁾ Const. Porphyg. De Administr. imp., ed. I. Bekkerus. В. 1840, а. 74.

²⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. 2, стр. 340 и 362.

³⁾ *И. Голубовскій*, Исторія Смоленской земли въ Кіевскихъ университетскихъ напечатаніяхъ 1895 г., № 1, стр. 89 и 95. Русско-Липовскіе Акты, № 135 (стр. 105).

⁴⁾ Доп. къ А. Н., т. I, № 3.

⁵⁾ *И. Савельевъ*, Мухаммеданская пумизматика въ отношеніи къ русской исторіи, Спб. 1847. *М. Березковъ*, О торговлѣ съ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. Сиб. 1879, стр. 10—41.

⁶⁾ Отчетъ Археологической Коммисіи за 1882 г., стр. XXIII.

санидскихъ, умейядскихъ, халифскихъ и табаристанскихъ VI—IX вѣковъ), и въ Псковскомъ уѣздѣ, гдѣ оказались куфическія и одна аркасиадская монета IX—X вѣковъ ¹⁾. Клады большой цѣнности разрыты были также въ Великихъ Лукахъ и Холмѣ ²⁾. Трудно сказать, конечно, къ какому времени относятся торговыя сношенія, на существованіе которыхъ указываютъ подобныя находки; для этого надо было бы опредѣлить періодъ обращенія монетъ даннаго чекана, что при современномъ уровнѣ нашихъ знаній едва ли возможно. Совмѣстное находеніе монетъ VI и IX вѣковъ во всякомъ случаѣ показываетъ, что такіе циклы пожалуй могли обнимать нѣсколько вѣковъ, слѣдовательно, и присутствіе цѣнностей древнѣйшаго времени не говоритъ еще въ пользу столь же древнихъ торговыхъ сношеній Новгородцевъ съ Востокомъ. Замѣтимъ при этомъ, что тѣ же клады старинныхъ восточныхъ монетъ VIII—X столѣтій встрѣчаются и далѣе въ Курляндіи, Лифляндіи а также на островѣ Готландѣ, гдѣ уже до 1873 года, найдено не менѣе 13.000 диргемовъ; слѣдовательно, торговый путь, связывавшій Поволжье съ Балтійскимъ моремъ, проходилъ черезъ Новгородскую область. Ближайшимъ указаніемъ на народы, съ которыми жители сѣверо-западныхъ областей Россіи могли поддерживать торговыя связи, служить хотя бы кладъ пяти обломковъ монетъ изъ города Суворы, открытый въ Псковской губерніи ³⁾.

Съ особенною обстоятельностью Никитскій останавливается на торговлѣ Новгорода съ Западомъ; лишь немногіе изъ выводовъ автора въ этой области возбуждаютъ нѣкоторыя сомнѣнія. Такъ, напримѣръ, „появленіе нѣмцевъ въ Новгородѣ должно быть отнесено, по мнѣнію Никитскаго, къ исходу XII вѣка“ (стр. 30). Такое утвержденіе требовало бы со стороны Никитскаго подробной мотивировки. Уставъ о мостахъ, приписываемый Ярославу, указываетъ уже на пребываніе „Готовъ“ въ Новгородѣ; правда что самый памятникъ нуждается въ критикѣ; но въ такомъ случаѣ на Никитскомъ и лежала обязанность

¹⁾ Отчетъ Археологической Комиссіи за 1875 г., стр. XXXVI, и за 1878, стр. XXXVIII.

²⁾ *П. Сивельскій*, *Op. cit.*, стр. XXIV и 21—24. Часть этого клада вѣсила до 7 пудовъ серебромъ; чеканеннаго серебра съ лигатурою болѣе 10% входитъ въ пудъ до 900 рублей (по расчету П. Сивельскаго). Часть клада, найденнаго близъ Великихъ Лукъ, равноцѣнна, такимъ образомъ, 6.300 руб. по количеству серебра; но по его мѣновой цѣнности сумма эта должна была во многое число разъ превосходить означенную цифру.

³⁾ *П. Голубовскій*, *Op. cit.*, стр. 100—102.

доказать его несостоятельность по данному вопросу. Есть и другія указанія, позднѣйшія, несогласныя съ выводомъ Никитскаго. Монеты аугсбургскія, зальцбургскія и брейзахскія X вѣка, а также девентерскія, страсбургскія, утрехтскія, фрисландскія, богемскія, саксонскія и англо-саксонскія XI вѣка, оказались въ курганахъ южнаго Приладожья ¹⁾. Въ Псковской губерніи найдены монеты нѣмецкія и англо-саксонскія IX—X вѣковъ вмѣстѣ съ обломкомъ „Владимірова серебра“, въ Олонецкой—такія же цѣнности XI столѣтія ²⁾. Преданіе сагъ о появленіи нѣмецкихъ кунцовъ въ Ладогѣ съ 1060 года, крушеніе новгородскихъ судовъ, возвращавшихся въ 1130 году съ Готланда, приключенія Новгородцевъ въ Данію около того же времени (1134 г.) далѣе, грамота Кельнскаго архіепископа Райнальда городу Медебаху 1165 года, предполагающая возможность торговыхъ сношеній его жителей съ Даніей или Россіей (Rusia), и, наконецъ, извѣстная грамота Фридриха (1187 года), разрѣшающая Новгородцамъ безпошлинную торговлю въ Любекѣ—все это предполагаетъ предварительное знакомство Новгородцевъ съ Нѣмцами, конечно, не за границей, а у себя дома, въ самомъ Новгородѣ ³⁾. Въ договорѣ 1195 (?) года (1189—1199 годовъ, по мнѣнію Никитскаго, стр. 33), стороны „подтверждаютъ мира стараго“, выраженіе, которое мы невольно сопоставляемъ съ „простословесными“ договорами Кіева съ Византіей или тѣхъ „давнихъ докончаній“, которыя по актамъ начала XIII вѣка перепотворились въ договорахъ Смоленска и Риги XIV столѣтія ⁴⁾. Замѣтимъ, наконецъ, что въ Смоленскѣ, болѣе отдаленномъ отъ нѣмецкой границы, чѣмъ Новгородъ, къ концу XII вѣка уже существовали нѣмецкія учрежденія, какъ то: церковь, дворъ, староста, капиталы и гири ⁵⁾. Такимъ образомъ, утвержденіе Никитскаго „о появленіи Нѣмцевъ въ Новгородѣ къ исходу XII вѣка“, намъ кажется

¹⁾ *Н. Бранденбургъ*, *Op. cit.*, въ *Материалахъ по Археологіи Россіи*, № 18, стр. 3—4.

²⁾ *Отчетъ Археологической Комиссіи за 1878 г.*, стр. XXXVIII; за 1887 г., стр. ССІ и за 1889 г., стр. 94.

³⁾ Новгородская лѣтопись по Синод. списку, стр. 125 и 127; *G. Sartorius—J. Lappenberg*, *Urk. Gesch.*, II, 9; *Н. Аристовъ*, *Op. cit.*, стр. 198.

⁴⁾ *П. Голубовскій*, *Op. cit.*, стр. 110—156.

⁵⁾ Русско-ливонскіе акты, стр. 436 и 437. Такое же мнѣніе о раннихъ сношеніяхъ Новгорода съ нѣмцами уже высказано было *W. Buss'омъ* въ сочиненіи *Der deutsche Kaufmann in Novgorod bis zur Mitte des XIV Jahrhunderts* (Berl. 1891, ss. 8—11) вслѣдъ затѣмъ появившемся въ болѣе полномъ видѣ подъ заглавіемъ: *Der deutsche Handel in Novgorod*, St.-Petersb., 1895.

слишкомъ опредѣленнымъ, даже въ томъ случаѣ, если предположить, что авторъ подъ Нѣмцами разумѣлъ не жителей Готланда, а нѣмецкихъ купцовъ въ узкомъ смыслѣ; возможно лишь предполагать, что „Нѣмцы“ не позже конца XII вѣка уже обстроились въ Новгородѣ, имѣли здѣсь свой торговый дворъ ¹⁾).

Внутренней Новгородской торговлѣ за второй и третій периоды ея развитія Никитскій также мало посвящаетъ мѣста въ своемъ трудѣ (стр. 89—98). Такой пробѣлъ объясняется частью недостаткомъ свѣдѣній по указанному вопросу до XV вѣка, частью нежеланіемъ автора воспользоваться показаніями писцовыхъ книгъ въ болѣе систематической формѣ, чѣмъ онъ это сдѣлалъ. Отмѣчая мимоходомъ число жителей въ нѣкоторыхъ изъ Новгородскихъ пригородовъ по книгамъ 1500 г., (стр. 89) Никитскій не опредѣляетъ количественнаго отношенія этого населенія къ уѣздному (что возможно было бы выяснитъ на основаніи тѣхъ же источниковъ ²⁾). Довольствуясь, далѣе, неопредѣленнымъ указаніемъ лѣтописи о пребываніи 2000 Новгородцевъ въ Торжкѣ „по преимуществу, безъ сомнѣнія, купцовъ“ (?), авторъ какъ бы забываетъ о необходимости для этой цѣли просмотрѣть писцовыя книги XV столѣтія. Въ городахъ, судя по этимъ даннымъ, изрѣдка уже попадаются купцы. Въ Иванѣ-городѣ описываются, напримѣръ, четыре двора „купецкіе“, изъ которыхъ одинъ во всякомъ случаѣ принадлежалъ „Новгородцу“ ³⁾. Въ погостахъ Опоцкомъ, Дубровенскомъ и Березскомъ Шелонской пятины оказалось въ 1500 г. до 26 дворовъ мастеровыхъ и торговыхъ людей; въ рядкахъ Лижѣ, Креницахъ, Черномъ, С. Вельцѣ, Кобонѣ и Дубнѣ по описи 1469 г. было 19 дворовъ торговыхъ людей, а нѣсколько поздиѣ (1500 г.) въ 7 другихъ рядкахъ и мѣстечкахъ той же Водской пятины не трудно насчитать 33 двора такихъ же лицъ. Въ Новгородскихъ селахъ также можно было встрѣтить купцовъ ⁴⁾. Конечно, не всѣ эти „торговые люди“ дѣйствительно торговали въ лавкахъ, многіе изъ нихъ вѣроятно, сами сбывали продукты своего промысла или ремесла на рынокъ; тѣ и другія занятія не успѣли еще обособиться; производ-

¹⁾ К. Коррман, *Recesse der Hansatage*, I, s. XXIX, Leipz. 1870. А. Винклер, *Die deutsche Hanse in Russland*, s. 7.

²⁾ Цифры, подсчитанныя Никитскимъ (стр. 89), не во всякѣмъ сходятся съ результатами, къ которымъ пришелъ Н. Чечулинъ (Ор. cit., стр. 35—38). По счету Никитскаго въ Ямѣ—832, въ Корелѣ 232, а въ Ладогѣ 137 человекъ.

³⁾ Новгородскія писцовыя книги, т. IV, стр. 227—232.

⁴⁾ С. Г. Г. и Д., ч. I. № 1.

ство и обращеніе богатствъ лежало на однихъ и тѣхъ же лицахъ. Нельзя не замѣтить также, что эти первые зачатки торговой дѣятельности обнаруживаются въ Водской пятинѣ, черезъ которую проходила передаточный торговый путь изъ Балтійскаго моря въ рѣки Волховъ и Свирь, и въ Шелонской пятинѣ, по которой шла вдоль рѣки Шелони дорога въ гор. Псковъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, не мѣшало бы Никитскому нѣсколько остановиться и на уясненіи внутреннихъ путей сообщенія, связывавшихъ Новгородъ съ окружающими его землями. Кромѣ вышеуказанныхъ существовала, напримѣръ, еще дорога изъ Новгорода черезъ Обонежскую пятину на Сѣверную Двину; по этой же дорогѣ „за Онегомъ“ встрѣчался Волочекъ Кенской, изобретенный писцомъ Ю. К. Сабуровымъ въ 1496 г. ²⁾; по ней возили мѣха въ столицу (ср. выше). Обонежскіе купцы дѣйствительно упоминаются лѣтописями въ 1283 году и въ позднѣйшее время ³⁾.

При полномъ почти отсутствіи въ трудѣ Никитскаго указаній на внутреннюю Новгородскую торговлю, внѣшняя представляется еще болѣе крупною, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, послѣдняя дѣйствительно въ значительной мѣрѣ поглощала хозяйственную энергію Новгородцевъ; они, какъ извѣстно, находились въ торговыхъ сношеніяхъ не только съ землями Кіевской и Волинской, значеніе которыхъ стало падать со второй половины XIII вѣка, но и съ другими княжествами, какъ-то: Черниговскимъ (1224 г.) Суздальскимъ, Московскимъ и Тверскимъ ⁴⁾. Поставляя сырые продукты на иностранный рынокъ, новгородцы не имѣли возможности усиленно предаваться обрабатывающей промышленности, при отсутствіи которой и внутренняя торговля замѣнялась болѣею частью транзитною. Не удивительно поэтому, что описанію „торговли Новгорода съ западомъ“ въ XIII — XV вѣкахъ посвящена значительная часть сочиненія Никитскаго (стр. 105—181 и 229—306), едва ли не тщательнѣе всего разработанная. Тѣмъ не менѣе и въ этой части встрѣчаются не совсѣмъ понятные пробѣлы и недочеты. Такъ напримѣръ, вопроса о томъ, какіе общественные классы принимали участіе „въ торговлѣ

¹⁾ *А. Ильинскій*. *Op. cit.*, стр. 259 и 261.

²⁾ *А. Ильинскій*. *Op. cit.*, стр. 263.

³⁾ Новгород. лѣт. по синод. сп., изд. 2-е, стр. 300 и 318.

⁴⁾ Нѣсколько текстовъ подобрано въ названномъ сочиненіи *Н. Аристова*, стр. 188, 176, 177, 178, 180 и 248.

съ западомъ¹⁾ Пикитскій не ставитъ и затрагиваетъ лишь мимоходомъ; между тѣмъ его рѣшеніе уяснило бы пониманіе дальнѣйшей судьбы этихъ сношеній въ XV—XVI вѣкахъ. Въ торговлѣ съ западомъ, надо полагать, нерѣдко принималъ участіе самъ князь: не даромъ же ему одною изъ статей договора 1270 г. и слѣдующихъ запрещены были непосредственныя торговыя сношенія съ Нѣмцами²⁾. Тѣмъ не менѣе князья могли сохранить извѣстную долю вліянія на дѣла Нѣмцевъ, такъ какъ послѣдніе обязаны были, повидимому, выплачивать имъ налогъ на товары, носившій названіе королевскаго сбора (стр. 126); такое объясненіе термина *Königs shot*, предлагаемое Никитскимъ, довольно вѣроятно: въ Смоленскѣ западно-европейскіе гости должны были также подносить княгинѣ въ подарокъ штуку частины, то-есть плотно вытканнаго холста, вѣроятно заграничнаго происхожденія³⁾. Поэтому князья Новгородскіе нерѣдко вмѣшивались въ торговыя дѣла нѣмецкой конторы, чѣмъ возбуждали неудовольствіе заморскихъ гостей⁴⁾. Въ позднѣйшее время (начало XVI вѣка), наконецъ, въ Новгородѣ нерѣдко упоминаются „гости государевы“, повидимому въ специальномъ, а не въ общемъ смыслѣ этого слова. Кромѣ князя въ Новгородской торговлѣ могъ принимать участіе и архіепископъ; въ казнѣ владыки много было заграничныхъ суконъ и иностранной монеты; онъ охотно покровительствовалъ нѣмецкимъ купцамъ и по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время продавалъ Нѣмцамъ продукты отъ церковныхъ земель⁵⁾. Это участіе князя и архіепископа новгородскаго въ заграничной торговлѣ Новгорода совсѣмъ не разъяснено Никитскимъ; авторъ предполагаетъ только по аналогіи съ Полоцкомъ, что въ ней могли быть заинтересованы и новгородскіе бояре (стр. 95).

Съ XV вѣка наряду съ новгородскими купцами въ заграничной торговлѣ начинаютъ играть роль и московскіе гости. Въ 1436 году, напримѣръ, нѣмецкіе послы въ Новгородѣ увѣдомляли Ревель, что Новгородъ ходатайствовалъ у нихъ за схваченныхъ въ Ревелѣ московскихъ купцовъ и просили освободить ихъ, если противъ нихъ нѣтъ тяжкихъ обвиненій⁶⁾. Такимъ образомъ нити Новгородской торговли

¹⁾ С. Г. Г. и Д., ч. I, № 3.

²⁾ Русско-ливонскіе акты, стр. 440.

³⁾ Г. Гильдебрандтъ, Отчетъ и проч. въ *Запискахъ Академіи Наукъ*, т. XXIX, прил. 3, стр. 33 и 37.

⁴⁾ М. Березкинъ, О торговлѣ Руся съ Ганзой, стр. 160, 167 и 289.

⁵⁾ Г. Гильдебрандтъ, *Op. cit.*, стр. 41.

перехватывались сверху княземъ и архіепископомъ, снизу—московскими гостями; съ XV вѣка эти элементы стали поддерживать другъ друга и оказались для Новгородцевъ неудобными конкурентами на международномъ торговомъ рынкѣ.

Предметы торговли Новгорода съ западомъ Никитскій перечисляетъ чрезвычайно тщательно, описывая даже мелкія разновидности возимыхъ товаровъ, напримѣръ суконъ; едва ли въ этомъ перечисленіи можно указать какіе-либо существенные пробѣлы¹⁾.

Къ сожалѣнію полныхъ свѣдѣній для опредѣленія размѣровъ торговыхъ оборотовъ новгородскихъ купцовъ не имѣется; долговая книга г. Риги, которую съ этой точки зрѣнія не воспользовался Никитскій, даетъ лишь одностороннія показанія. Недавно отпечатанныя ревельскіе акты въ этомъ отношеніи гораздо цѣннѣе; хотя они и принадлежатъ уже первой трети XVI вѣка, однако, могутъ дать понятіе о минимальной стоимости товаровъ, пускаемыхъ въ оборотъ русскими кунцами въ то время, когда торговля съ Ганзой не окончательно упала. Въ теченіе (приблизительно) десятилѣтія, отъ 1525 по 1535 г. напримѣръ, въ вышепоименованныхъ актахъ встрѣчается семь случаевъ оцѣнки товара, утеряннаго купцами при перевозкѣ его изъ Новгорода въ лифляндскіе города: оцѣнка эта выражена въ слѣдующихъ цифрахъ: 150 гривенъ пеннязей нѣмецкихъ, 200 и 230 гривенъ, 305 и 350 рублей, 415, 500 и даже 900 гривенъ²⁾. Замѣтимъ при этомъ, что въ перечисленныхъ случаяхъ утеряна была каждымъ лицомъ не часть товара, а обыкновенно весь онъ цѣликомъ. Этими данными Никитскій, конечно, не могъ воспользоваться въ печатномъ видѣ. Но и такое важное указаніе, какъ стоимость всѣхъ товаровъ, конфискованныхъ на пѣмецкомъ дворѣ въ 1495 г. при его закрытіи величиною въ 96.000 марокъ серебра, зарегистрировано Никитскимъ просто какъ фактъ, иллюстрирующій отношеніе московскаго князя къ нѣмецкой конторѣ въ Новгородѣ, и только.

Не можемъ не указать еще на одну группу явленій, оставленныхъ безъ вниманія г. Никитскимъ и тѣмъ не менѣе имѣющихъ значеніе для характеристики новгородской торговли. Подобно отсутствію строгаго

¹⁾ Опущены, напримѣръ, указанія источниковъ на торговлю золою и пемзю и винными дрожжами для окраски суконъ, уже отмѣченныя предшествующими исследователями (*H. Arismonz*, *Op. cit.*, стр. 203: *F. G. A. Schmidt*, *Handels-gesellschaften in den deutschen Stadtsrechtsquellen des Mittelalters*, S. 19).

²⁾ Русская Историческая Библиотека, т. XV, Русскіе акты Ревельскаго го-родскаго архива, №№ 17, 18, 20, 34 и 35.

раздѣленія занятій мы и въ торговой дѣятельности наблюдаемъ недостаточную специализацію. Еще въ самомъ началѣ царствованія великаго князя Василя III, напримѣръ, братья Левъ и Володя Дымилевы ивангородцы одновременно торговали съ Кольванью: мыломъ, синею крашениной, рукавицами, лукомъ, хомутами, пенязями нѣмецкими и хлѣбомъ¹⁾. При такомъ смѣшеніи совершенно отличныхъ другъ отъ друга предметовъ торговли, разновидности торговой дѣятельности по этимъ послѣднимъ, очевидно, не могли опредѣлиться. Специализація сказывалась въ локализациі торговой дѣятельности: существовали, напримѣръ, „обонежскіе“ купцы, но почти не было купцовъ, торговавшихъ исключительно однимъ какимъ нибудь родомъ товаровъ.

Патріархальный строй, не вполне еще расшатавшійся, и рискованныя условія международнаго рынка на Балтійскомъ поморьѣ XIII—XV вѣковъ, среди которыхъ приходилось вести коммерческія предпріятія, естественно приводили купцовъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, къ образованію компаній, нерѣдко закрѣпляемыхъ религіозною санкціей. Не указывая на основные факторы, повліявшіе на возникновеніе подобнаго рода союзовъ, Никитскій довольствуется тщательнымъ ихъ описаніемъ и сообщаетъ по этому поводу множество особенностей ихъ организаціи, не связанныхъ, однако, единствомъ исходной точки зрѣнія и не порождающихъ въ читателѣ цѣльнаго впечатлѣнія. „Въ торговой дѣятельности своей, замѣчаетъ авторъ, новгородскіе купцы рѣдко выступали одиночными. Напротивъ подобно тому какъ князья и бояре являлись окруженные дружинами, какъ мастера имѣли свои собственныя дружины, такъ точно дружина была формой дѣятельности и въ торговомъ быту. Купеческія дружины, имѣвшія мѣсто особенно часто въ иноземной торговлѣ, составлялись на основаніи родства или простаго товарищества или на основаніи того и другого вмѣстѣ“ (стр. 95). Но и среди русскихъ купцовъ мы встрѣчаемъ ассоціаціи родственниковъ: стоило бы г. Никитскому заглянуть въ долговую книгу города Риги для того, чтобы натолкнуться на значительное число такихъ союзовъ. Сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ: *Iohannes dictus Zareleyne et Ludekinus Seymo tenentur communi manu Andree Parvo et fratri suo VIII mrc.* (1287 г.); *Chodere et frater suus Astaphe et filius suus Watsyle tenentur Thiderico de Plezkowia X mrc.* (1287 г.); *Smen et suus frater Germann et Ywan tenentur communi manu et Wassile III navalia*

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, т. XV, Id., № 85.

talenta esse et II Livrada talenta in duobus fructu. Pasche salvem (1253 г.). Livradis sunt talenti p[er] Ivan IV mag. (1311 г.). Address et Yvan. *Forma talenti sui. talentum omnium nomine Incipit et Wastie 26 mart. et 1 febr.* (1302 г.)¹⁾. Ясно, что въ такихъ случаяхъ имъ нѣтъ дѣла съ ослонн, вырощенн на вѣнѣ родственникъ отеческѣ и кровнудушкинъ тѣрскимъ кѣм, прочесть, разукнѣтъ. началу натуральной въ вѣдѣтѣй кѣрѣ странгчѣе было началомъ охотнѣтѣтѣ. какъ это было и на западѣ въ то же время²⁾. Этотъ типъ товариществъ можно считать древнѣйшимъ: онъ встрѣчается въ Германн уже въ VIII вѣкѣ, воскадѣетъ и среди итапанскнхъ, предекнхъ и лнфландскнхъ (варѣскнхъ) купцовъ³⁾.

Каждый членъ этихъ товариществъ родственниковъ, вѣрнѣе, вкладывалъ въ общее преднрнате весь свой капиталъ и поэтому представлялъ все общество и безусловно отвѣчалъ за него. Весьма любопытна одна изъ древнѣйшихъ облигацнонесъ, навадншихъ на такие ослонн: такова обязанность участвовать въ общей вестн. Слѣдм ея зантнмъ въ нѣкоторыхъ старинныхъ статутахъ западно-европейскнхъ обществъ (напрнмѣръ, пизанскаго)⁴⁾. Въ такомъ же смыслѣ, можетъ быть, слѣдуетъ толковать одно изъ вѣдѣтнй о новгородскнхъ гостяхъ. По поводу ссоры, происшедшей между Новгородчанин и Нѣмецкнми купцанин въ 1331 году, посадникъ говорилъ Нѣнцадѣ, „чтобы до примиренн выплаченн были 80 руб. с. дѣтямъ его сестрн; иначе они выступятъ жалобнцканин и станутъ истнть Нѣнцадѣ за своего отца, который былъ убитъ въ Дернтѣ и звали его Иваномъ Снповымъ, при чемъ истнтели потребуютъ 50 головъ и мужатъ новгородскнми (въ этомъ?) уступкн не сдѣлаютъ“⁵⁾. Въ данномъ случаѣ, какъ видно, дѣти собираются истнть за убнйство отца, поѣхавшаго

¹⁾ Das Rigische Schuldbuch, №№ 91, 213, 464, 1152, 1518 и 1723.

²⁾ M. Weber, Zur Geschichte der Handelsgesellschaften im Mittelalter, Stat., 1889, ss. 49—50, 53.

³⁾ F. G. A. Schmidt, Op. cit., ss. 5—8, 21 и 55 nota. M. Weber, (Op. cit., ss. 44—48) готовъ признать этотъ типъ древнѣйшимъ; но недавно еще L. Goldschmidt (Alte und neue Formen der Handelsgesellschaft, Berl. 1892, ss. 8 und 10) высказалъ скорѣе противоположное мнѣнне. „Die beide Gesellschaftsarten (societas fratrum und commenda), ннметъ онъ, haben sich wesentlich unabhängig von einander entwickelt und stehen selbständig neben einander“.

⁴⁾ M. Weber, Op. cit., ss. 58—59.

⁵⁾ Переводъ этого донесення нѣмецкаго двора въ Новгородѣ рижскому магнстрату 10-го ноября 1331 г. А. Чулнкова см. въ Чтеннхъ Московскаго Общества Исторнн и Древностей, 1893 г., ч. I, Снѣсь, стр. 1—8.

въ Дерить, вѣроятно, по торговымъ дѣламъ; возможно предполагать, что самое *право* (или обязанность) мести опирается не только на родственныя отношенія отца къ дѣтямъ, но и на соучастіе ихъ въ одномъ и томъ же товариществѣ патриархальнаго свойства ¹⁾).

Кромѣ патриархальныхъ отношеній, служившихъ готовыми формами для организациіи торговой дѣятельности, существовали и другія условія, вызвавшія образованіе купеческихъ компаній и также почти вовсе не обратившія на себя вниманіе г. Никитскаго. Не одна только нужда въ общихъ силахъ и средствахъ, необходимыхъ для содержанія судовъ, далекаго и опаснаго плаванія, а также для извлеченія достаточной прибыли изъ предпріятія порождали купеческія товарищества; къ этимъ причинамъ слѣдуетъ присоединить еще боязню конкуренціи: участники компаніи должны были дѣлить прибыль и убытки предпріятія со всѣми товарищами и предохранить каждого изъ нихъ отъ невыгодной конкуренціи сосѣда, который безъ такихъ обязательствъ не только пользовался бы всѣми законными мѣрами для того, чтобы приумножить свои богатства во вредъ соотечественнику, но готовъ былъ пустить въ ходъ и недозволенные средства съ цѣлью разорить своего противника на рынкѣ. Мы не знаемъ насколько это соображеніе примѣнимо къ русскимъ купеческимъ общинамъ; сложная регламентация, которой подчинился нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ, несомнѣнно образовалась подъ его влияніемъ, на что Никитскій обратилъ слишкомъ мало вниманія (стр. 108, 110, 126, 132, 137—138, 139, 140, 170). Замѣтимъ, наконецъ, что купеческія товарищества служили также кредитными и страховыми обществами для своихъ членовъ, что въ такой организациіи купецъ находилъ защиту отъ насилій и даже вооруженнаго нападенія со стороны чуждыхъ ему туземцевъ, среди которыхъ ему приходилось вести свои торговыя дѣла, и мы поймемъ то великое и благодѣтельное значеніе, какое въ свое время имѣли купеческія компаніи для средневѣковаго купечества ²⁾).

¹⁾ Съ вопросомъ о патриархальномъ характерѣ этихъ союзовъ любопытно сопоставить вопросъ о происхожденіи купеческихъ гильдій въ средневѣковыхъ городахъ, которые иногда связываютъ (быть можетъ слишкомъ безусловно) съ патриархальнымъ строемъ. Мнѣнія собраны А. *Dörren*'омъ: *Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters in Gustav Schmoller's Staats und Soc.-wiss. Forsch.*, В. XII, Leipz. 1898, ss. 8, 9, 15—16.

²⁾ Въ 1421 г. (іюля 22-го) нѣмецкіе купцы въ Новгородѣ извѣщали, напри- мѣръ, Реваль, что они со всѣхъ сторонъ окружены въ торговомъ дворѣ, что 11 изъ ихъ земляковъ посажены въ тюрьму, что отправленныя письма перехвачены, но что при всемъ томъ торговля во Псковѣ и въ Нарвѣ не прекращена. (Г. *Гмьдебрандъ*, Отчетъ, *ibid.*, стр. 32).

Естественно, что при такихъ условіяхъ купеческія товарищества должны были развиваться и независимо отъ чисто родственныхъ отношеній. Члены товарищества иногда назывались складниками ¹⁾. Никитскій подвергаетъ анализу лишь общину складниковъ, известную намъ по грамотѣ князя Всеволода церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ; авторъ не задается, однако, вопросомъ о томъ, насколько самостоятельно возникла подобнаго рода организація въ Новгородѣ? (Общества, весьма схожія съ Иваньскими, во всякомъ случаѣ хорошо известнымъ были и нѣмецкимъ купцамъ; и они образовывали нерѣдко *societates sortae rescipuae*, въ которыхъ вклады были болѣею частью одинаковы для всѣхъ товарищей и даже иногда, судя по ганзейскимъ актамъ, равны были 50 маркамъ серебра; и въ этихъ компаніяхъ право на участіе, полученное путемъ вклада, могло переходить по наслѣдству ²⁾). Кромѣ Иваньскаго, въ Новгородѣ существовали, повидному и другія товарищества; таковы общины: Побережская, Лубяницкая, Даньславская и Чудинцевская; на нихъ Никитскій даже не указываетъ. Не разработаннымъ также остался тотъ богатый и любопытный матеріалъ, который по интересующему насъ вопросу о товариществахъ русскихъ купцовъ содержится въ долговой книгѣ города Риги; здѣсь нерѣдко упоминается нѣсколько купцовъ съ русскими именами, иногда прямо называемыхъ *socii*, причѣмъ каждая „*societas*“ вступаетъ отъ себя въ кредитныя сдѣлки ³⁾. Замѣтимъ, наконецъ, что описанныя выше складчины возникали не только между новгородскими гостями, но и между Новгородцами и нѣмецкими купцами, на что указываетъ любопытный актъ начала XV вѣка ⁴⁾.

Итакъ, въ Новгородѣ, какъ видно, существовало два типа торговыхъ ассоціацій: одинъ изъ нихъ приближался къ средневѣковой

¹⁾ Архивъ Историко-Юридическихъ свѣдѣній, изд. П. Калачевымъ, кн. II, полов. 2, Мат., стр. 3. Русская Историческая Библиотека, т. XV, стр. 4, 49, 77 и 79.

²⁾ F. G. A. Schmidt, Op. cit., ss. 19, 53, 78 и 79.

³⁾ Das Rigische Schuldbuch, №№ 41, 50, 59, 1352, 1551, 1747, 1767 и много другихъ. О лицахъ, которыя называются *socii* (№ 1528) говорится въ многихъ другихъ мѣстахъ, что они задолжали кредиторамъ „*communē manu*“; иногда товарищи, повидному, упоминаются рядомъ безъ всякихъ указаній въ данной записи на существованіе между ними товарищества; ср. № 1528 съ №№ 1553, 1696, 1833, даже 1728 и многіе другіе.

⁴⁾ Н. Аристовъ, Op. cit., стр. 212.

„societas fratrum“, другой — къ „commenda“ (коммандитному обществу). Члены союзовъ перваго рода соединили все свое имущество въ одинъ общій капиталъ (арса communis), употребляемый для извѣстныхъ хозяйственныхъ цѣлей, и въ силу круговой поруки взаимно представляли и отвѣчали за все товарищество. Члены союзовъ втораго рода, напротивъ, вкладывали въ предпріятіе лишь часть своего капитала, сообразно которой ограничивалось право ихъ представлять и обязанность отвѣчать за товарищество. Юридическая сущность ассоціацій того и другаго типа до сихъ поръ остается не вполне ясною; возможно, что они носили характеръ своеобразныхъ обществъ (societates), но не обладали свойствами юридического лица въ строгомъ смыслѣ этого слова, чѣмъ и отличались отъ позднѣйшихъ компаній на акціяхъ ¹⁾.

Въ заключеніе своего описанія „торговли съ западомъ“ Никитскій даетъ подробный анализъ причинъ, объясняющихъ ея паденіе; эти страницы—однѣ изъ наиболѣе удачныхъ въ книгѣ г. Никитскаго. Невыгодныя условія внутренняго, новгородскаго рынка, система монополій, которою Ганза думаетъ устранить участіе другихъ иностранцевъ, а Новгородъ — московскихъ купцовъ въ торговлѣ, разложеніе Ганзейскаго союза и торжество московскаго порядка, которому, однако, авторъ придаетъ, можетъ быть, слишкомъ большое значеніе, — всѣ эти моменты въ исторіи паденія новгородской торговли, такъ сильно повліявшіе на дальнѣйшую политическую судьбу Великаго Новгорода, намѣчены авторомъ довольно твердыми и смѣлыми штрихами.

IV.

Научное значеніе „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода“ А. И. Никитскаго.

Подведемъ итоги всему вышесказанному.

Тема, избранная Никитскимъ, представляетъ существенный и современный научный интересъ, но при ея разработкѣ, авторъ скорѣе *описываетъ*, чѣмъ *опредѣляетъ* явленія, съ которыми имѣетъ дѣло.

Описанія Никитскаго всегда основаны на первоисточникахъ, ве-

¹⁾ Мнѣніе это, высказанное *L. Goldschmidt'*омъ (*Alte und neue Formen der Handelsgesellschaft*, 8—17), и согласное со взглядами Labaud'a, а также Gierke (*ibid.*, s. 15), ожидаетъ, впрочемъ, проверки новыми историческими данными.

дуются съ большимъ знаніемъ дѣла и не лишены кое-гдѣ яркихъ красокъ. Нѣкоторыя страницы „Исторіи экономического быта Великаго Новгорода“, посвященныя обзорѣнью новгородской промышленности и торговли съ западомъ, а также анализу причинъ ея паденія, отличаются несомнѣнными достоинствами.

Но, пересказывая матеріалъ, Никитскій сплошь и рядомъ оставляетъ его безъ надлежащаго научнаго опредѣленія. Тема, напри- мѣръ, поставлена авторомъ не ясно, періоды въ исторіи древне- новгородскаго хозяйства намѣчены лишь вскользь, многіе изъ ея существенныхъ моментовъ произвольно опущены, а обильныя показанія *источниковъ* не подведены подъ общія категоріи изучаемыхъ *явле- ній*, при чемъ основное соотношеніе ихъ свойствъ нерѣдко, *по выводу самого изслѣдователя*, остается скрытымъ отъ читателя. Связь между этими категоріями, хотя бы, напри- мѣръ, между производствомъ и потребленіемъ въ движеніи цѣнъ, остается также, во многихъ случаяхъ, не затронуто. Никитскій пренебрегаетъ несовершенно-количественнымъ разсужденіемъ, которое возможно было бы, однако, приложить къ изученію нѣкоторыхъ отраслей новгородскаго хозяйства; методъ среднихъ величинъ и числовыхъ отношеній онъ оставляетъ безъ всякаго употребленія. Но и качественныя отношенія шатко установленныхъ категорій не всегда удовлетворительно опредѣлены въ „Очеркахъ экономической жизни Великаго Новгорода“. Едва ли правильны, напри- мѣръ, общія положенія, которыми открываетъ свое изслѣдованіе Никитскій: впро- чемъ, вліянія ихъ на дальнѣйшій ходъ его разсужденій не замѣтно. Нельзя сказать того же о слишкомъ поверхностномъ взглядѣ автора на условія образованія цѣнностей на новгородскомъ рынкѣ, взглядѣ, который привелъ его къ одностороннему пониманію натурального хо- зяйства, исключительно характеризуемаго непосредственною мѣной, и изображенію дальнѣйшихъ моментовъ въ исторіи этого рынка въ не совсемъ вѣрномъ свѣтѣ. Такъ, напри- мѣръ, въ трудѣ Никитскаго обрабатывающая промышленность Новгорода едва ли не слишкомъ принижена, паденіе курса на его куны стоитъ внѣ всякой связи съ зарожденіемъ металлическаго обращенія; своевременно не отмѣчен- ное авторомъ оно не объясняетъ появленія новгородскихъ денегъ самостоятельнаго чекана; всѣ эти промахи, въ связи съ значитель- ными пробѣлами въ изложеніи, даютъ ложное понятіе о внутренней торговлѣ въ предѣлахъ Новгородской области. Въ организаціи земле- дѣльческаго и промышленнаго труда, а также торговой дѣятель- ности Никитскій сознательно опускаетъ патріархальныя начала и

слишкомъ суживаетъ общежительныя; поэтому новгородская колонизація, союзы слябовъ и складниковъ, торговыя товарищества родственныхъ, а затѣмъ и чужихъ между собою лицъ надлежащимъ образомъ не выяснены. Между тѣмъ разысканія подобнаго рода, можетъ быть, позволили бы автору указать на нѣкоторое движеніе въ новгородскомъ хозяйствѣ и не только установить послѣдовательность, но и выяснить непрерывность въ преемствѣ важнѣйшихъ его моментовъ.

Наконецъ, развитіе соотношенія между различными группами категорій новгородскаго быта, напимѣръ, распредѣленіемъ богатства и образованіемъ общественныхъ классовъ, оставлено безъ вниманія Никитскимъ, что лишило его возможности опредѣлить значеніе, какое имѣло народное хозяйство въ жизни Великаго Новгорода.

А. Лаппо-Данилевскій.

„Россия“. В. Р. Морфилла.

Въ настоящемъ столѣтїи въ западной Европѣ и Америкѣ все болѣе и болѣе распространяется интересъ къ славянскому міру. Цѣлый рядъ событій способствовалъ этому явленію, а именно ростъ русскаго государства и развитіе русской литературы, что увеличивало значеніе Россіи, постепенное освобожденіе славянскихъ національностей изъ-подъ турецкаго ига, восточныя войны и восточный вопросъ, польскія возстанія, болгарскія дѣла, наконецъ, возникновеніе сравнительной исторіи и постепенное, все увеличивающееся сознаніе ученыхъ, что безъ пониманія славянства западно-европейская общественность не можетъ быть выяснена во всей ея глубинѣ. Аріи—христіане распадаются на двѣ части, изъ которыхъ одна развивалась подъ почти исключительнымъ вліяніемъ католичества и римской образованности. Другая—подъ такимъ же вліяніемъ православія и идеаловъ древней Греціи и средневѣковой Византіи. Вполнѣ оцѣнить значеніе католичества и древняго Рима, очевидно, возможно только черезъ сопоставленіе одной части Европы съ другою, жившею при иныхъ условіяхъ. При этомъ исторія сама какъ-бы облегчила сравненіе. Масса одного и того же народа, говорившая въ IX вѣкѣ почти однимъ языкомъ, имѣвшая почти одни и тѣже политическія учрежденія, считавшая сама себя и считаемая сосѣдями однимъ единымъ, была въ